

Эта книга об ОзВ – Озаренных Восприятиях.

Озаренные Восприятия – это то, что некоторыми людьми называется моментами счастья и полноты, и то, что может быть противопоставлено серой и самубийственной жизни, которой живут абсолютно все. Книга состоит из описаний Озв разными людьми, для которых эти восприятия являются наиболее значимыми моментами, которыми, в конечном итоге, хочется заполнить всю жизнь - без остатка.

Мне 12 лет. Ночь, я валяюсь в кровати и читаю Даррелла - описание залитого солнцем пляжа в форме полумесяца, с искрящейся прозрачной водой и обрамленного по берегу оливковыми деревьями. Вдруг возникает восприятие пронзительного наслаждения в груди и горле. Я не могу понять, что со мной происходит, почему мне так невыносимо хорошо. Картина этого пляжа отчетливо стоит у меня перед глазами, и я испытываю непереносимую преданность ко всему, что вижу на ней – к песку, воде и небу. Я положила книгу на себя и прижала ее к тельцу, так хочется замереть и представлять этот пляж на далеком острове Корфу.

Я вспомнила о Даррелле и вдруг испытала готовность отдать две трети своей жизни, если бы можно было оказаться на его месте. Это не было ленью

работать или желанием вечного отпуска, просто возникла вспышка яркого узнавания того, что описывает Даррелл – возможность бегать по острову целый день, без контроля взрослых, тискать живых морд, наблюдать за ними, купаться, валяться под солнцем. Это и есть настоящая жизнь. А моя жизнь мертвая и фальшивая, ее не жалко отдать даже за неделю свободной жизни.

Мне понятно, что я увязла в бессмысленности. Все эти уроки, оценки, школа, семья... Как будто я человек, которого угнали в рабство. Он встает, выполняет работу, здоровается с хозяевами, но твердо знает, что где-то далеко есть его настоящая жизнь, его любимые горы, реки и свобода.

*

Пустыня, ночь... Я не могу понять где кончаюсь я, и где начинается мягкая, холодная ночь. Мы с ней едины. После этой ночи не будет завтра, но именно в эту ночь есть шанс. Я не знаю шанс на что, но что бы это ни было, туда неумолимо влечет. И если это не то, что я искал - я все равно хочу этот шанс, потому что больше не могу и не хочу оставаться тем, что я есть.

Ночь воспринимается каньоном, уходящим вглубь гор. Когда я уйду, горы за мной сомкнутся, и ничто не будет таким как прежде. Светят звезды, и как бы далеко они от меня ни были – они сейчас самые близкие существа; я ни к кому не привязан и их компания – самое лучшее, что я могу пожелать в момент, когда есть шанс.

Этот момент – это то, что я хочу взять с собой в путешествие, из которого не вернусь. И несмотря на то, что я уйду один, возникает благодарность, нежность и тепло к тем, кто остается позади.

*

Неожиданно я понял, что я тебя люблю; не как человек, который хочет завести с семьей и даже не как человек, который хочет с тобой постоянно находиться.

Я ходил по улицам Пуно в Перу, и неожиданно возникла ясность: «все начинается с тебя». Я не могу сказать, что в точности это значит, но я знаю, что именно тогда, когда есть такие мысли, я начинаю воспринимать тебя как начало своего дня. Я растворяюсь в тебе точно так же, как в неожиданно налетевшем потоке ласкового ветра, и мне становится достаточно только

этого. Мне очень легко представить вместо тебя свет заходящего за горизонт солнца, и я не вижу никакого противоречия в том, что это и есть ты.

Мне нравится думать о том, как ты носишься по Гималаям, как пахнут пропахшие твоим потом футболки, как ты шастаешь по другим континентам и смотришь на ледники Антарктиды; я хочу, чтобы твоя жизнь была наполнена до краев только этим. Мне кажется, что я готов разорваться на части, только для того, чтобы ты могла испытывать, то что хочешь, Я просто не могу представить, что красота, которая заполняет тебя во время путешествий, не будет чем-то, что наполнит когда-нибудь и других людей.

Когда я представляю, как ты упорным жуком карабкаешься на Эльбрус, то меня охватывает восторг и радость. Странно, что мне не хочется тебе помогать – быть рядом и делать так чтобы твоя жизнь проходила в комфортных условиях – мне хочется, чтобы тебя обжигал морозный воздух гор, ласкали волны далеких океанов и трогали лучи закатов на недостижимых океанских побережьях. Если бы я мог тебя так ласкать, то я был бы именно холодным ветром, светом солнца садящегося за горизонт или волной с радостным гребнем пены, которая накрывает тебя с головой. Мне именно так хочется касаться тебя. И мне хочется, чтобы мои касания напоминали тебе о зове в неизвестное, о неоткрытых землях, о непознаваемости тайн мира и о том, что жизнь может быть переполнена до краев чем-то привлекательным.

Мне хочется часто спрашивать себя «где ты сейчас?» и представлять, что ты ласкаешься с волнами в Таиланде, зарываешься лапами в шкуры яков или стоишь, замерев в неверии, перед красными скалами Темпалайи. Я хочу смотреть на мир твоими глазами и чувствовать то, что ты чувствуешь сейчас – но не как человек, который живет впечатлениями других людей, прилипнув попой к дивану – я хочу быть тобой, когда ты любишь эти горы. В эти моменты мне очень тяжело делить происходящее на «тебя» и «меня», я совсем не ощущаю границ между нами; и если их нет – то где бы ты ни была – как я могу чувствовать одиночество?

Я сейчас сижу в кафе и иногда встречаюсь взглядами с людьми – мне очень неприятно смотреть на их пустые лица. Мы живем в похожих телах, но в них совсем нет того, что есть в тебе. Пустота, которая возникает от взглядов на их лица, только напоминает о том, что я тебя люблю и о том, чего мне не хватает в жизни.

Я могу проснуться утром и не помнить о тебе, заниматься какими-то бытовыми делами и целиком погружаться в них, но когда я вспоминаю о тебе, то тогда и начинается день; и я понимаю - я только начал жить.

*

В океанариуме в Рангае появился огромный скелет касатки. Иногда, сидя на дюнах, я видел их спины и хвосты, появляющиеся из воды. Кто может объяснить - почему в эти моменты мне так пронзительно хотелось быть с ними, что, казалось, я действительно оказывался там – на их мокрых лапах, фыркал вместе с ними, выдувал фонтаны воды и снова уходил глубоко под воду. Когда ныряешь в океан и открываешь глаза, то сначала возникает страх. Кажется, что вода будет немного жечь солью глаза – но этого не происходит, а затем, когда исчезает страх, перед тобой открывается бесконечный лазурный мир. Он кажется очень кратковременным, так как воздуха надолго не хватит и придется вынырнуть на поверхность – но в нем так хочется задержаться, так хочется чуть подольше быть существом, которое может там жить. Я вынырываю и вижу мир над океаном... ослепительное солнце и шкурка океана пару секунд кажутся нереальными, а затем я вспоминаю, что это и есть мир, в котором я живу.

*

Почему взрослые дают такие неинтересные ответы? Когда они говорят, что солнце желтое, потому что горячее, или что деревья шумят, потому что их качает ветер, или что океан - это непрерывная водная оболочка Земли, окружающая материки и острова и обладающая общностью солевого состава, то становится грустно и скучно. Океан... От одного слова становится так широко, просторно-мягко. Почему не сказать, что океана много, что его так много, что если я буду плыть в глубину, то мне понадобится тысяча лет, что он в сто миллионов миллиардов раз больше самого большого дерева в нашем дворе, что он извивается и течет тысячами течений, которые как пушистые гусеницы трутся боками друг о друга, что в нем живет такой маленький планктон, которого даже я не увижу, и еще киты, которых я видела на картинках.

*

Я просыпаюсь в незнакомой комнате незнакомого мне дома... на дворе лето, окно открыто и в него, распахивая занавеску, залетает ветер. Он надувает ее легкими шелковыми пузырями, и от этого возникает восприятие ветра как живого существа, обладающего формой. Неожиданно я понимаю, что совершая движения, я совсем не ощущаю свое тело - оно явно есть, и оно точно мое, но я никогда не испытывал такой легкости, и мне с трудом верится в то, что происходит.

Вместе с ветром в комнату влетел запах жасмина; я отчетливо представил себе огромный зеленый куст, засыпанный белыми цветами - он был больше похож на огромный ландыш, разросшийся до размеров куста, но почему-то меня это не удивляло; что-то мне говорило, что в этом мире цветы бывают таких размеров. Неожиданно я совсем потерял восприятие себя как человека и личности - мысль об огромном количестве не виданных ранее цветов привела к тому, что затерялся в ярких картинах высоченных ландышей, рядом с которыми я казался себе маленьким, зачарованным и любопытным насекомым. Я вскочил с матраса так, как будто и не спал - не было никакого застоя в мышцах, казалось, что я находился в движении уже очень давно. Движения были бесшумными и казалось, что тело состояло из разреженной субстанции, через которую может пройти весь окружающий меня мир. Я поймал себя на мысли, что невесомость - это не исчезновение и не утрата ощущений - это наоборот, появление таких восприятий, которые позволяют намного более полно воспринимать мир.

Неожиданно я понял, что все происходящее со мной очень похоже на сон... Я был уверен, что не сплю, все вокруг было слишком реальным, но вдруг стало ясно - я совсем не ощущаю своего дыхания: моя грудь не поднималась от вдохов, и я не ощущал движения воздуха в носу.

На улице была странная погода - чем-то это было похоже на лето, но я не ощущал температуру воздуха. Казалось, что я воспринимаю тепло и легкие касания ветра каким-то непривычным для меня образом - не как прикосновения к коже; но несмотря на то, что не возникало никаких физических ощущений, мне было очень приятно, комфортно и легко. Я пошел за запахом жасмина, мне очень хотелось найти его источник. Куст

представлялся так отчетливо, что возникала непонятная уверенность – несмотря на то, что я первый раз в совершенно незнакомом для меня мире - я точно знаю, как его найти.

Не было беспокойств или озабоченностей - я испытывал легкость и умиротворенность. Странно, я всегда был уверен, что умиротворенность связана с неподвижностью, что нужно находиться в определенном месте и определенной обстановке, чтобы ее почувствовать, но я испытывал умиротворенность не только совершая движения, но даже анализируя обстановку в незнакомом для меня мире. Умиротворенность – это не состояние покоя, это просто способность испытывать это восприятие. Оно всегда тут: оно такое же привычное как воздух, можно научиться на него обращать внимание, а можно по привычке продолжать его не замечать.

*

Я спускалась с холма, шла к городу. Вдали огни и шум.

Я выключила фонарик и решила спускаться в темноте. Такие красивые зеленые морды, а рядом яркие звезды и мягкая тишина. Внизу люди, они презирают меня, испытывают ненависть и считают шлюхой просто за мое желание получать удовольствие от секса. Между нами пропасть – и она бездонна. Они будут проявлять агрессию, кричать вслед, перешептываться, в их представлении я просто бесстыдная блядь. Вдруг возникла ярость - я хочу устранить все страхи, все озабоченности и скованности. Я хочу быть свободной, испытывать удовольствие, наслаждение, искренность, стремление. Не сдамся, не хочу быть такой же как они. Озабоченность сразу пропала, на ее месте стало стремительно нарастать что-то пронзительное, свежее, невыносимое. Через секунду целая свора озаренных восприятий вспыхнула за грань экзатичности. Непереносимо красивые деревья вокруг, пронзительное удовольствие от того, что иду в темноте, от того, что остановилась. Хочется всегда это испытывать, вцепиться зубами, запомнить хоть как-нибудь. Я не могу поверить, что в моей жизни снова возникнет привычная и серая обыденность, и я забуду про то, что можно жить по-другому.

*

Мне отчетливо помнится, как я в детстве ехал на телеге до нашей дачи – поезд опоздал на несколько часов, и мы с трудом нашли подвозку. Лошадь неторопливо ехала по грунтовой дороге, телега мерно подергивалась, от ее рывков и от монотонной равномерности движения возникала легкая усталость. Я заснул на плече незнакомого человека, а когда проснулся, отца не было. Я испугался, но в следующий момент у меня возникла уверенность, которая захлестнула собой все, она полоснула по глазам, и казалось, что произошло что-то невероятное – в этом мире не осталось никого, только я и небо, которое мягко светило поздним закатом. Я должен был быть перепуганным насмерть, но вместо этого я почувствовал ни с чем ни сравнимую успокоенность – из моей жизни исчезло все - но вместо пустоты и страха, появилась неизвестная мне до этого наполненность. У меня больше нет родителей, их никогда не было – есть только ночь, и она – самое близкое мне существо. Alone, but not lonely. Может за этими холмами – та самая ночь.

*

Второе осознанное сновидение, тоже с мутным осознанием, с трудом удерживалась в нем. Зима, я пролетала над садом, увидела дерево, к которому возникло яркое приятие. Опустилась на него - на высоте двух метров над землей оно разделялось на три толстых ствола, я села на это разветвление, покрытое снегом и стала ласкать дерево. Возникло чувство красоты, нежность, восторг и возбуждение в писье, чуть не кончила, остановилась на грани оргазма. Я разговаривала с ним, для меня оно было очень близким существом. Потом я заметила в саду троих детей. Одна девочка заинтересовала меня, открытая мордашка. Я подлетела к ней и спросила - ты устраняешь негативные эмоции? Ее лицо стало немного капризным, и она сказала: «Я пытаюсь, пытаюсь и ничего не получается». Пропал интерес к ней, полетела дальше в направлении центра вдоль холма с железной дорогой. На земле сидел ворон. Я остановилась чтобы разглядеть его поотчетливей, к нему возникли яркие озв и чувство узнавания. Он взлетел и полетел чуть в сторону от меня. Я окликнула его, и он обернулся. Я приземлилась, вытянула руку, чтобы он мог на нее сесть - он покружил и сел.

Я что-то у него спросила, и он ответил - меня это нисколько не удивило, для меня он уже был более развитым по сравнению со мной существом. Я спрашивала что-то о практике. Потом меня начало сильно раскачивать взад-вперед с амплитудой сантиметров в сорок, тело стало тяжелым. Я сказала ему, что хочу стать вороном. Он сказал, что я уже им становлюсь. Тело стало еще более тяжелым, за спиной, по ощущениям, вырос горб, участилось раскачивание, по телу стало разливаться наслаждение, особенно от этого горба.

Затем я проснулась. Первые минут пять лежала без движения и отчетливо ощущала горб наслаждения в теле. Если представляла, что раскачиваюсь, эти ощущения усиливались, раскачивание тоже ощущалось очень отчетливо. Потом уснула, описывала во сне тот сон, который только что снился. Когда проснулась окончательно, то снова были четкие ощущения горба и раскачивания.

*

Это было в одном из северных городков Камбоджи. Мы жили там в двух разных комнатах. Тайга и Лейто на первом этаже, почти у ресепшн, а мы с Найкой на четвертом. У нас с ней была небольшая, но просторная комната на углу здания. Из окна можно было пялиться на небо и ходить в номере голенькими, потому что напротив никаких высоких строений не было. Очень нравится обстановка в этой комнате – ничего лишнего, только две широкие кровати, столики, один большой стол. И жара на улице.

В этом отельчике все ходили босиком. Ощуцаю лапами сначала деревянный, потом каменный пол, холодные ступеньки, бегу вниз, спрыгиваю, подбегаю к большой гулкой деревянной двери, стучусь. Открывает Тайга – припухшие грудки, животик. У нее такое классное упругое тельце – выглядит очень вкусным и здоровым. И морда очень часто резонирует с открытостью. На полу куча всякой жрачки. Лейто за букром, его упругий толстый хуй стоит почти полностью. Переписывается с какой-нибудь шлюшкой наверное. Очень сильно хочется подползти и пососать. Никогда еще не испытывала такого сильного желания сосать, вместе с нежностью и наслаждением. Я только представляю, как залезу к нему под стол, положу лапу на его ляжку, стисну ее – и уже возникает наслаждение в

ладошке, груди. Возвращаюсь через час – Лейто дрыхнет. Голенькое, сильное тельце зверя, пухлые лапы, вкусные, соленые. Он спит почти на животе. Желание сосать все такое же сильное. Я чувствую толстый хуй в моем ротике, наслаждение в лапах, груди, писье. Хочется перевернуть его, но он слишком тяжелый. Упираюсь и толкаю его в бок. Взрыв восторга - вокруг солнечно, как в детстве, а час назад - глиняная пересохшая Камбоджа протискивалась в такси дорожной пылью, бесконечные дороги, путешествие.

*

Из Намче пришли в Монг. Началась горная болезнь – не хватало воздуха, кружилась голова, была боль в теле. Долго не могла уснуть. Вдруг «увидела» как ко мне на кровать запрыгнул белый пес. Он уткнулся носом в левую стопу. Стопа тут же стала горячей (на самом деле). Возникла уверенность, что пес хочет, чтобы мне стало легче. Сразу возник озаренный фон и наслаждение разлилось по всему телу снизу вверх. Вместо болевых ощущений по всему телу переливались волны наслаждения! В сердце, в котором только что была сильная боль, появилось невыносимое наслаждение. Возникла уверенность, что пес отдал мне эти восприятия.

*

Я иду по улице, мне хочется сказать, что мне не хватает тебя, но почему-то я понимаю, что это слово совсем не подходит. Мне не обязательно тебя видеть, но мне очень нравится знать, что ты есть. Мне нравится это состояние легкой затерянности – улицы становятся незнакомыми, я вроде скучаю по тебе, но влечет меня именно в эти безлюдные кварталы. Мне кажется, что ты становишься окном, через которое мои накопившиеся чувства выплескиваются в безбрежный океан чего-то ранее недоступного, но очень близкого и знакомого – наверно поэтому мне легко сказать, что скучаю я не по тебе. Может поэтому, когда я произношу мысленно твое имя, я понимаю, что отзывается совсем не образ личности, какой я себе представляю тебя, а что-то большее – что-то не имеющее к тебе прямого отношения. Я хотел бы быть для тебя таким же «окном» - просто местом, в которое могут вливаться твои чувства, just a passage to the ocean, a step to something bigger that can engulf you completely.

*

Мне нравятся ночи песчаников - ты засыпаешь, и над тобой гудит пустыня монотонными голосами. Иногда это похоже на вой вьюги, иногда на зов, влекущий в летнюю ночь, иногда на шум морского ветра, в котором слышатся обрывистые крики чаек и гудки кораблей. В такие моменты мне кажется, что моя мечта сбылась, и я отправилась в путешествие по пустыне. От того, что она так близко, прямо за стенками дома, создается впечатление, что сюда пришел другой мир, и он останется со мной надолго. В эти ночи мне снятся совершенно другие сны – мне нравится думать, что эти сны приносит с собой песчаник, что я – это просто сгусток воздуха, который может легко распасться под напором урагана и раствориться в нем. Меня не пугает мысль, что в одну из таких ночей я могу заснуть и не проснуться, так и оставшись вечным странником в снах, которые принесла пустыня.

*

Мне больше всего в горах нравились небольшие долины, плато на большой высоте, прямо под какой-нибудь вершиной или перевалом. Каждое такое место казалось изолированным миром, в котором людям не место. Все было до нас так же, как будет после нас, этот мир живет сам по себе. Такие места воспринимались как самостоятельные существа, возникала симпатия к ним и чувство тайны, восприятие себя чем-то незначимым.

Мы в долине Гейто, остановились на небольшой привал по дороге к перевалу. Долина широкая, и высокий хребет на противоположном краю долины виден полностью – он достаточно далеко, чтобы почти не поднимать головы, когда я пялюсь на вершины, и достаточно близко, чтобы пики казались огромными. Еще солнечно, около четырех вечера - как раз такое время, когда солнце уже не жаркое, а его лучи из ослепительно-белых становятся медово-желтыми, принося ожидание вечера. Долина изгибается, так что не видно того, что справа и слева, мы будто отрезаны от мира.

Возникла отрешенность, стало казаться, что времени нет, мы никогда не уйдем отсюда, так было и будет всегда. Мы ходим по лугу, лежим на траве, смотрим на реку. Над нашей головой плывут облака, на другой

стороне долины стоят горы. Ветер качает кусты рододендрона на склоне холма. Мы никогда не уйдем отсюда, так было и будет всегда.

*

Сны многослойные. Я не только сидела и разговаривала с этим полумонахом - одновременно были образы какой-то реки и восприятия будто я нахожусь на ней, пронзительная тишина и безмятежность на этой реке, единство с ней и много других образов, которые я не запомнила. Самая яркая деталь, которая вызвала восприятие путешествия после сна - такая его многослойность. Будто одновременно что-то происходит со мной во многих местах - не в двух, а во многих, не могу сказать, сколько их приблизительно.

*

Меня зовут Нарико. Нарико Макото.

Я сирота. Я не знала своих родителей и ничего не помню о них. Возможно, это были искренние люди, но того факта, что это мои родители, вовсе недостаточно, чтобы утверждать это. На земле много людей, которые являются чьими-то родителями, но лучше от этого они не становятся. Я так и не закончила школу - я не знаю, зачем ее заканчивать.

Я люблю путешествовать. Мне нравится представлять, что у меня нет дома, что весь мир является моим домом. Я никогда не бываю в гостях. Когда я была маленькой, жизнь казалась мне непостижимой и глубокой тайной, в которой на каждом шагу можно встретить загадочных восхитительных существ, каждую секунду переживать что-то новое. Мне казалось, что когда я вырасту, количество этих тайн станет огромным, мне казалось, взрослые - очень счастливые люди, потому что они дольше меня могли наблюдать этот мир. А сейчас мне уже двенадцать, но с каждым годом жизнь становится все более привычной и скучной. Я стала забывать о тайне мира, о моих близких существах. Я хотела понравиться взрослым и перенимала у них глупые и мертвые правила. Потом оказалось, что взрослые вовсе не восхищаются миром и не ждут никаких чудес, что их жизнь скучна и однообразна. Я почувствовала себя очень одиноко. Наверное, мне самой всё это показалось. Но недавно, как раз перед самым моим днем рождения, я встретила вечером одного взрослого. Он сказал, что он другой. Он сказал, что он не такой как

все, что он может показать на себя пальцем (этот взрослый не думает, что показывать пальцем нехорошо!) и заявить, что он живет по-другому. Сначала я ему не поверила. Мало ли чего говорят взрослые. Он действительно выглядел не как все. Но был вечер, уже темно. И мне могло показаться. И все же он мне понравился. Он еще сказал, что видел во сне, как толстый паучок сидел, свесив ножки. Я очень люблю паучков, но никогда не встречалась с ними во сне. Я подумала - может мы с ним подружмся, и он покажет мне, где живет тот сон, в котором сидит паучок. Я уверена, что этот паучок знает, что все взрослые агрессивные и тупые, и ему тоже одиноко. А потом этот взрослый сказал, что он вовсе не взрослый. И даже не человек. Почему-то теперь я ему поверила. С людьми очень трудно. Они всегда хотят что-то доказать, даже если сами не верят в то, что доказывают. А с ним легко. Мы подружились. Я сказала, что меня зовут Нарико, а он сказал, что его зовут Бодхи.

Потом он сказал, что хочет, чтобы я жила с ним. Он напомнил мне моих знакомых существ из детства, которые все давно уже разбежались от моей взрослости. Я никогда не жила с Бодхами, и я согласилась. Я так замерзла, пока гуляла - была зима. Кругом лежал снег. Я шла в берлогу Бодха, а снег заговорщицки хрустел под моими лапами.

*

Неожиданно на пляже появился высокий человек. Я мог поклясться, что он появился из воздуха. Рядом с ним стоял пацан. Впрочем, ребенком он был только на вид, - достаточно было посмотреть ему в глаза, чтобы ощутить поразительное несоответствие между внешностью мальчика и железной, непреклонной решительностью в глазах. «Он просто маленького роста, а в остальном такой же как они» - мелькнула мысль.

Пацан держал на руках огромного, светящегося золотым светом удава. Меня сковал страх, а затем я сделал то, чего совершенно от себя не ожидал – я вцепился в удава мертвой хваткой. В этот момент я потерял привычное восприятие реальности и наблюдал за происходящим, как будто смотрел на все со стороны. Я видел, как высокий человек выкручивал мне локти и как я извивался на песке, пытаюсь не поддаваться. Все светилось туманным золотым светом, который, казалось, исходил из песков. Мне почему-то не

было больно, но я изображал боль «на всякий случай», думая, что если они захотят сделать что-нибудь еще - то пусть знают, что мне 'уже больно'.

Я понимал, что происходящее направлено на изменение тела, которое является частью меня, но не является тем, что я привык считать своим физическим телом. В какой-то момент возникло отчетливое ощущение двух тел – одно, с которым что-то делают эти люди, и второе – «из которого» я на все это смотрю. Когда все закончилось, то возникло понимание, что произошло необратимое изменение, которое я не могу адекватно описать. Возникло стремление к тем людям, которые со мной «это» сделали и невыразимое чувство благодарности. Мне очень хотелось прыгнуть тому огромному человеку на грудь и обнять его.

Высокий человек и ребенок исчезли, но было ясно, что они не пропали навсегда. Было отчетливое восприятие, что я теперь с ними знаком и щемящее чувство близости к ним. Я был уверен, что они относятся ко мне как к щенку, к которому они испытывают очень сильную симпатию – хотя и не понимают, почему мне так хочется прыгать и гавкать от счастья, ведь в их мире это обычное состояние.

*

Гуляла по городу вечером, когда возвращалась домой, – вокруг привычные высоты, трамвайные линии и череда магазинов, мигающая безликими огнями. Вдруг все, происходящее вокруг меня, перестало иметь значение; я не знаю как это произошло, но переживаемое неожиданно стало восприниматься как отрешенность, как серьезность, как радостное чувство одиночества и ясность, что только я ответственна за то, какой будет моя жизнь. Резко ослабла привязанность к окружающим меня людям, к знакомым, к мальчикам, с которыми трахаюсь, к родителям - моя привычная жизнь стала восприниматься как далекая, абсурдная и чужая, пропало желание цепляться за людей из страха одиночества и дорисовывать их до близких. Возник образ себя, идущей вперед по гималайской тропе. Нет дома, нет вещей, кроме рюкзака за спиной, нет семьи, нет друзей, нет любимого мальчика - больше нет никого вокруг и никогда не будет, я абсолютно одна и моя жизнь зависит только от меня.

*

Какой-то другой мир. Кажется, там вообще не было людей. Была постоянная ночь - довольно светлая, так как освещалась то ли снежной пустыней вокруг, то ли белыми песками. Мы жили в полуразрушенном "однокомнатном" сарае, которого хватало только на то, чтобы спать под ним. Проще сказать - под небольшим навесом.

Я посмотрела на горизонт и увидела, что поднимается луна, а через несколько минут там было уже три луны - они были почти целиком серыми, а не желтыми, как земная. Они начали двигаться по немыслимым траекториям, будто были живыми и играли в догонялки. Охренительно красиво. Потом одна из них как будто прорвала небосвод и пропала. Не удалилась, а именно прорвала его - и проскользнула в какое-то другое измерение.

*

Я обогнул мыс и оказался перед входом в прибрежную пещеру. Вокруг никого не было, и от этого становилось немного страшно. Состояние полного, отрешенного одиночества усиливалось не только безлюдностью места, но и набирающим силу ветром, который гнал волны на прибрежные скалы - было отчетливое ощущение, что «ожидание кончилось», и в этот момент жизни должно что-то произойти. Я представлял, как неожиданно поднимется огромная волна и за неразличимое мгновение ока слизнет меня с узкой полоски прибрежного песка - меня здесь никогда не было... Здесь всегда было море, здесь стояла пещера, неотрывно смотрящая на смену закатов у горизонта. Здесь каждый день гремят волны, ударяясь об отвесные скалы, ползают крабы и иногда сюда залетают чайки. Я просто одна из немногих песчинок в месте, которое живет намного более продолжительной жизнью.

*

К ночи город вымирает и из-за нахлынувшей тишины кажется, что за пределами отеля мир перестает существовать; все становится таким неподвижным, что возникает уверенность - в какой-то момент мир может легко разойтись по швам, как высохшая страница газетного листа. Вместе с

этим возникает напряженное ожидание, смешанное с непоколебимой уверенностью – мир действительно может исчезнуть за одно мгновение, и в момент его «разрыва» появится то, что всегда оставалось недостижимым и таким долгожданным. Перед сном я вспомнил один из осенних дней - десять часов вечера, в квартиру через открытую на балконе дверь залетела божья коровка. Откуда она взялась? На дворе осень и холодный сильный ветер, как она могла залететь на седьмой этаж на своих небольших крыльях? Затем вспомнилось, как мы с Ланой смотрели из окна небоскреба вниз, и Лана вдруг сказала: «Смотри-смотри – паук!». На 50-м этаже ощущается покачивание небоскреба от порывов ветра – а он там паутину сплел... Мне и в голову не приходит, что божья коровка может летать в холодном осеннем океане ночи, и мне кажется невероятным, что паук может не только добраться до 50-го этажа по скользкой, отполированной стене небоскреба, но и жить там.

И божья коровка, и паук резонируют с мыслью, что я слеп – я смотрю на привычные для меня вещи и дорисовываю их до обыденных явлений.

*

Мы оказались на каком-то незнакомом рынке в здании, состоящим в основном из бетона..

Я: Давай потрахуемся с мальчиками!

Ярка: Не, я не хочу.

Я огляделась вокруг и поняла, что тоже ничего не хочу с этими мальчиками, ни к одному из них не хотелось ласкаться, прижиматься - как хотелось почти к каждой девочке здесь. Этот мир был похож на мой, тут присутствовали те же самые люди, только воспринимала я их совершенно по-другому, и даже на таком глубоком уровне осознания мальчики были мертвыми и асексуальными. Ярка, подожди, это все неправильно... все эти бетонные здания, повторяющиеся торговые ряды... ведь мне этого совсем не хочется... Было понятно, что любое осознанное сновидение и любой удивительный мир быстро превратится в привычную обыденность, если не задаваться этим вопросом. Я опять обняла Ярку, подласкалась к ней и сказала, что очень сильно хочу на море, на белый песок, и чтобы вокруг почти не было людей. Я прижала ее в застенке и сказала, чтобы она

порождала сильное желание, чтобы морская волна смыла тут все, и чтобы мы оказались на острове. Порождать желание и уверенность на счет три. Сосчитала и для большей уверенности стукнула в последний момент по выключателю – будто это спусковая кнопка для волны. Волна хлынула, но стены остались на месте. Она пронеслась мимо нашего застенка. Я сказала Ярке – видишь, как сложно, даже в этом осознанном сновидении, с такой высокой степенью осознания, оказаться там, где хочешь. Потом увидела на полу немного белого песка... и тут я закричала «Смотри, песок! У нас получится, давай еще раз!» Мы попробовали снова, но в этот раз волна была совсем вялая. Поняла, что Ярка в полусне, и я слишком много внимания уделяю тому, чтобы у нее получилось.

Неожиданно я поняла, что все могу сделать сама – я породила образ голубого моря, ряда островов, добавила к этому отрешенность и уверенность, что мое тельце наливается силой, я представила эту волну - и в этот момент мощная волна начала разносить стены вокруг нас. Ярка вырвалась и поплыла наверх. Мне показалось, что она испугана, и поэтому мне тоже стало немного страшно. Хотя до этого была уверена, что даже если окажусь в толще безграничного океана, со мной ничего не случится. Я поплыла к поверхности, увидела остров и подплыла к нему. Видела, как Ярка выбралась на твердую землю и пошла выше.

Я тоже выбралась – у самой воды земля была болотистой. Сначала трудно удержать равновесие. Потом очень близко проехала машина – тут раньше была дорога, но моя волна размыла ее. Я выбралась на твердую землю и оглянулась, вокруг зеленые морды, офигительная шкурка моря и небо... восприятие красоты, бесконечного путешествия и близости к мордам стало пронзительным. Я почувствовала, что сейчас могу заплакать. Остановилась. Подумала, что давно не испытывала сильных озв, поэтому и возникает сентиментальность. Стала сосредотачиваться только на наслаждении и вдруг возникло восприятие безграничности жизни – я могу проснуться и наяву в океан новой жизни, у которой нет пределов и искусственных ограничений, и я не знаю, что будет, когда я проснусь в эту безграничность.

Так же, как птицы летят остроносим клином, так и я несусь вперед острием ветра, и все, что я несу за собой – хлам прошлого, который пока не удалось стряхнуть, но на острие ветра этого нет – там ничем не омраченное усилие, стремление без скептиков и сомнений. Острие ветра прозрачно и золотисто, как тонкое облако, залитое сиянием солнца. Дорога идет вверх-вниз, но острие всегда устремлено вверх, к горизонту - к месту, где не-небо сливается с не-землей.

*

Жалость к себе вообще не может сочетаться с отчаянием, могут быть только короткие автоматические всплески жалости, пока еще есть к ней склонность. Насколько я помню, жалость к себе - это что-то настолько вялое, что-то, что можно мусолить бесконечно в сочетании с чувством собственной важности – постоянное желание думать о себе бедной, с которой что-то неприятное случилось. Жалость к себе умертвляет, подавляет все, я готова опустить руки, сдаться, весь мир против меня. А отчаяние - как взрыв, после него невозможно устоять на месте, хочется тут же перегрызть все, что держит, бороться, даже если я знаю, что ничего не изменится, просто потому, что иначе невозможно жить, кроме как борясь. В отчаянии мне нет дела до того, что кого-то могут не устраивать мои действия, в отчаянии нет нерешительности и лживости, в то время как в жалости к себе живешь так, будто будешь жить вечно.

*

Осознала себя в комнате, в которой жила в этом сне. Был вечер, я сделала все что хотела, собиралась ложиться спать, но было еще рано. Возникла мысль, что я сплю и могу пока исследовать этот сон. Осознание стало нарастать, возникла четкая ясность, что я нахожусь во сне. Я выключила свет и вылетела на улицу. В этой части осознанного сновидения было больше всего ОЗВ. На улице было что-то похожее на голландскую зиму - деревья в листве, хотя и желтой, трава пушистая, но все это занесено снегом и только немного из под него торчит. Возникла безмятежность, чувство красоты и нежность, хотелось лизать воздух и морд, так вкусно все они пахли - сыростью, свежестью и травами. Никогда такого не нюхала. Я была в

майке, но холодно не было. Отметила это как особенность того мира - я воспринимаю себя очень отчетливо, очень четкое сновидение, есть зима, и ощущаю, что здесь холодно, но не замерзаю. Такое уже было в других снах. Не могу пока точнее описать, как я ощущаю холод, но в то же время мне очень тепло. Возникла мысль, что обычно в бодрствовании мне всегда дискомфортно на холоде, и я не могу пережить такого яркого удовольствия как здесь. Летала в лесу минут пятнадцать.

Вылетела на берег озера, там были настроены железные маленькие домики очень близко друг к другу, справа сцена, на ней выступала ЛМ, которая была известна в бодрствовании года четыре назад. Люди пили пиво и смотрели на нее. Я поднялась еще выше, люди стали очень маленькими, и я с высоты кинулась в озеро. Был восторг и симпатия к не-воде. Когда нырнула, увидела кучу пузырьков, устремившихся вверх от моего всплеска. Стала резко погружаться из-за большой скорости падения; возникло ощущение сильного давления и плотности озера, пропало зрительное восприятие пузырьков, появились хаотические зрительные образы и иногда темнота, пропала рассудочная ясность в мыслях. Думала, что стала перемещаться в другое осознанное сновидение. Но через несколько секунд очнулась, опять ощутила сильное давление, и поняла, что потеряла сознание под водой на глубине. Сделала вывод, что в этом мире мне не нужно дышать под водой, я в ней не захлебываюсь, и возможно могу находиться там сколько угодно, но на меня действует давление и начинает сплющивать. И я могу от чего-то терять сознание - то ли от удара, то ли от давления.

С давлением уже были наблюдения в осознанных сновидениях на другой планете. Я сначала была в здании космической станции, в которой были чуждые мне существа, которые тоже хотели исследовать эту планету, потом я прошла сквозь купол станции, причем с большим трудом, я буквально протискивалась через него. Когда «выбралась» из купола, возникло ощущение сильного давления, будто меня сейчас расплющит, и я забралась обратно в купол.

Выплыла, пошла на берег, ходила среди людей и домиков. Ничего/никого привлекательного, полетела обратно в гостиницу, в свой номер. Стала возникать ясность, что я не могу вернуться из этого

сновидения. В этот раз сновидение было слишком настоящим, но не только поэтому. Несколько раз возникала мысль «а вдруг я сейчас проснусь», и возникало воспоминание состояния просыпания. Раньше при таком воспоминании я начинала просыпаться хотя бы частично - например, немного чувствовать свое тело или терять ясный зрительный образ. Но в этом сновидении при воспоминании о просыпании не менялось ничего. Тогда я стала пытаться проснуться - ничего не менялось. Разочарования по этому поводу не возникало.

Возникло желание потрахаться, стала представлять мальчиков и потрахалась с несколькими (это уже было в номере). Не возникало натужного желания траха, было легко останавливаться, когда понимала, что удовольствие спадает, ни разу не подходила к оргазму. Мягкое сексуальное желание резонирует с нежностью. Один мальчик начал трахать меня в попку. Сначала хотела остановить его, но потом поняла, что не трахаюсь в таких сновидениях в попку механически, просто забываю про такую возможность, хотя трах в попку был раза в три приятнее - более глубокие ощущения и восприятие себя шаром наслаждения, метра в два диаметром.

Я стала пытаться еще раз проснуться. На этот раз не так размазано, как до этого, а уже точно хотела проверить, могу я это или нет. Но ничего не менялось. Это все равно, что в бодрствовании пытаться проснуться, то есть оказаться в постели, и понять, что все что было до этого - сон. Возникла ясность, что я не смогу вернуться. Я слишком целиком собралась в этом сне - то есть собрала все детали, из которых состоит это место. Раньше, особенно в первых сновидениях, собиралось только 10-20% деталей. Например, я могла смотреть на руки, а они волосатые, "не мои", не знакомые, к тому же я могла не помнить о практике, не помнить большую часть своей личной истории из бодрствования. Только 10-20% восприятий о себе были знакомыми, а все остальные - хаотическими. А в этом сновидении все было такое же, как в бодрствовании. Я подошла к зеркалу, рассматривала себя - я выглядела точно так же, и даже была в майке, в которой легла спать.

Эта невозможность проснуться отличалась от невозможности проснуться из кошмара. Иногда были сны, в которых возникал сильный страх, и сильное желание бежать или проснуться, но я никак не могла это сделать. Отличие в том, что в кошмарах у меня нет возможности испытать

отчетливое желание, я даже сама не понимаю, чего хочу, все восприятия хаотические, слишком много сильных негативных эмоций, чтобы сравнивать эти опыты.

После нескольких попыток пережить состояние просыпания и ясности, что я могу очень подробно вспомнить это состояние, ничего не поменялось, но негативных эмоций от этого не возникло. Это сновидение вообще отличается тем, что я не помню ни одной негативной эмоции в нем, может быть поэтому оно и было таким устойчивым. Был непрерывный озаренный фон безмятежности, мягкого блаженства, путешествия и отрешенности. Отрешенность казалось настолько само собой разумеющимся восприятием, что я только сейчас поняла, что испытывала его постоянно и интенсивно. И когда поняла, что никогда не смогу вернуться в бодрствование, не возникло никаких механических желаний или мыслей о мордах или Бодхе. Я в бодрствовании постоянно помню о них, как будто они - одно из необходимых составляющих моей практики. Но это не так, и только в этом сновидении появилась эта ясность. Когда я поняла, что не вернусь, не возникло даже механического желания вернуться. Я переживала восторг от того, что у меня есть все, чтобы продолжить путешествие, и я буду продолжать его, переходя из одного мира в другой или навсегда оставшись в этом мире, увижу я когда-нибудь Бо или нет.

Сейчас при представлении такой ситуации возникает беспокойство при мысли о Бо и механическое желание сообщить ему, что я не умерла. Наверное из жалости к Бо и озабоченности его мнением. При сравнении этих двух состояний ясно, что мое состояние сейчас несовместимо с путешествием, так как всегда будет появляться механическое желание вернуться к Бо, объясниться перед Бо, то есть всегда возвращаться назад. А какое тогда может быть путешествие? Одиночные вылазки возможны, но путешествие - нет.

Я вылетела на улицу. Для того, чтобы лететь, требовалось внимание, которое я не хотела на это тратить, и я пошла пешком по лесу. Отрешенность резонировала с ясностью, что мне ничего не надо. Я снова и снова совершала усилия и переживала изумление от того, что я могу совершать это усилие и в этом мире - вот оно это усилие - и сразу возникают яркие озв. Мне не нужна даже книга Бодха, потому что все, описанное там я потом встречала в своем

опыте, и даже если бы я никогда не читала всей книги, а узнала только про устранение негативных эмоций, я сама пришла бы к открытиям, описанным там, и еще приду к ним. Я могу продолжать свою практику- это все, что меня интересовало. Иногда я шептала имя Бодха и возникала янтарная преданность. Даже если больше никогда его не увижу. Есть преданность и настолько сильное желание отправиться в свое путешествие, что я не променяю его на возможность видиться с Бо.

Сейчас описываю так много про восприятие Бодха, и возникает впечатление, что я только о нем и думала. На самом деле я думала о нем не больше 10% времени. А в остальное время было такое состояние отрешенности, которое я не помню сейчас и не знаю, как его описывать. Про Бо описать легко, так как я могу сравнить- вот было омрачение и пропало. А как описать восприятие одинокого путешественника, который неожиданно оказался в новом мире, и не может вернуться обратно, и не хочет никуда возвращаться, хочет идти только вперед, еще дальше.

Вышла в город, стали попадаться люди. Угрюмые, все те же самые люди - русские, встретила пару лет 35-40, орали друг на друга. Было восприятие их как зеленых чемоданов с другой планеты, которые не имеют ко мне никакого отношения- не буду же я испытывать негативных эмоций от того, что чемоданы там зеленые, а не красные.

Потом возникла ясность, что я могу не только собирать восприятия в этом сне, но и позволить им расползтись. Что сейчас я "собрала их" в этом мире и держу их очень прочно, непрерывно совершая усилия по ясности, осознанию, озв и т.д. Но так же я могу позволить этим восприятиям "расползтись", и тогда они может быть соберутся в другом мире. Или в этом же. Я часто делала это в бодрствовании - "собирала восприятия", увеличивая осознанность, когда прилагала усилия. И тогда мир становился совсем другим, переполненным существами, не-горами и не-океанами. И позволяла восприятиям "расползаться", то есть засыпала в негативном фоне и хаотических отвлечениях. Тогда я переставала воспринимать этот удивительный мир. Возникла ясность, что такое состояние в бодрствовании (негативный фон, хаотические отвлечения) то же самое, что бредовый сон. Только есть концепция, что хаотические отвлечения во сне отличаются от таких же отвлечений в бодрствовании. Но на самом деле они ничем не

отличаются. В обоих случаях восприятия "расползались". И если бы не было жесткой привычки к бодрствованию, они могли бы "собираться" в любом другом месте. То есть я могла бы после залипания в отвлечениях вдруг оказаться в другом мире, порождать усилия в нем, потом опять уснуть в хаотических отвлечениях и при собирании восприятий оказаться в третьем мире. Этого не происходит, так как есть жесткая привычка воспринимать именно бодрствование.

Еще возникла ясность, что переходить в другой мир можно более точно (не наугад, а именно туда, куда хочу), но я пока не знаю, как. И поэтому хочу попробовать перейти хаотически. Я стала ослаблять контроль над состоянием, вспоминать хаотические отвлечения. Сначала я просто шаталась вокруг главного здания, потом картина стала размываться и начался обычный сон, я забыла про осознанное сновидение, кажется попала в еще одно незнакомое место, потом ничего не помню, потом стала просыпаться. Просыпание было долгим, я уже знала, что просыпаюсь, но все еще была темнота, странное состояние, будто я нигде - не там, ни здесь. Проснувшись и не сразу вспомнила этот сон. Думаю, что многое из этого осознанного сновидения я забыла. Когда начала эксперимент с ослаблением контроля за своим состоянием, не было страха, что я могу больше не вспомнить про усилия и навсегда остаться в хаотическом сне. Была уверенность, что хоть через 10 лет, но вспомню, потому что очень сильно хочу, потому что это единственное, чего я хочу. И ни за что не откажусь от такого эксперимента. Было восприятие себя ученым, у которого возникла гипотеза и основания для нее, и он не может не проверить, потому что эти исследования составляют всю его жизнь, ему больше ничего не интересно.

*

Когда смотришь в окно, видишь темноту, и то тут, то там промелькивают огни домов, фонарей в маленьких деревеньках. Возникают образы людей, которые как мотыльки собираются вокруг этих огоньков – смотрят телевизор, живут своей обыденной жизнью. Каждый огонёк воспринимается как островок такой обыденности, и вокруг него - беспредельный, манящий и пугающий океан темноты.

*

Старуха в тамбуре индийского поезда. Спит на полу, закутавшись в ярко-розовое сари. Грязь, ночной ветер из открытой двери, она спит в грохоте поезда, маленькие лапы, худые щиколотки, смуглые морщинистые руки в дешевых браслетах - ко всему в ней возникает нежность. Хочется потискать ей лапы, погладить ее. Потом она сидит и, слегка улыбаясь, пялится на проходящих мимо людей. Никто не замечает ее, она ничто для всех них, не больше, чем мусор, среди которого она сидит. В ее глазах детская беззаботность, любопытство, ей больше нечего бояться, некуда стремиться - она нищая и очень старая. Когда она встала, возник еще один всплеск нежности - очень маленькая, очень худая, стройная - сухая травинка, на которую хочется смотреть и смотреть. От нее исходит нечто очень привлекательное для меня - я не могу назвать это силой, сила ассоциируется с чем-то ярко проявленным. А этой старухи как будто уже нет, и все же есть нежность, беззаботность, непривязанность, которые возникают именно при виде нее. Я могла бы представить ее воином, выбравшим такую жизнь для своей практики.

*

Рядом со входом в ущелье есть небольшой обрыв, с которого можно прыгать в песчаные дюны. Летишь метра три по воздуху и приземляешься в белый и ласковый песок, а затем долго лежишь на спине, вспоминая ощущение полета - как мелькнуло небо перед глазами, как воздух неожиданно заполнил легкие до предела, как замерло время и казалось, что ты больше никогда не приземлишься. Если долго лежать на спине на склоне дюны, то начинает казаться, что ты проваливаешься в бесконечную синеву неба – перестаешь воспринимать себя как что-то цельное, небо поглощает тебя целиком и позволяет на мгновение обнять землю.

*

Мне отчетливо помнится, как со мной произошло что-то странное на носу корабля – я не уверен, что это можно связать с присутствием айсбергов, но, если честно, я не знаю что, кроме них, могло послужить причиной

произошедшего.

На носу было много людей, которые смотрели на ледники, гид показывал белошеего кондора на соседней скале, я смотрел на плавающие по озеру айсберги, которые были везде, куда можно было кинуть взгляд, и вдруг возникло отчетливое телесное ощущение... я не могу его точно описать, но единственной фразой, звучавшей в голове в тот момент, было «здесь никого нет». Я смотрел на людей - они однозначно присутствовали на палубе корабля, показывали куда-то пальцами, говорили друг с другом, снимались на групповые фотки, оживленно обменивались репликами, но я потерял «точку отсчета»... не было меня самого, я не мог сказать, что в данный момент можно назвать словом «я». Все действия людей вокруг воспринимались как что-то, происходящее на экране кинотеатра – я смотрел на них и понимал, что, не смотря на активность группы туристов и на легко различимые движения и улыбки, на самом деле ничего не происходит: айсберги и ледники реальны, а люди – нет.

Я нередко употреблял слово «присутствие», когда описывал, что чувствую вблизи морд, вызывающих острое переживание чувства красоты и изумления. Возможно, эти переживания могут быть такими интенсивными, что кроме этого «присутствия» не останется ничего – ни людей, ни кораблей, ни громкоголосых гидов, ни мягких ковровых покрытий, ни удобных кресел каюты VIP, ни даже того, что я привык называть собой.

*

Вдруг возникло восприятие, будто плотину прорвало. Предвкушение резко усилилось, вспыхнуло, и что было потом, я почти не помнила. Была экстатичность, максимальная из доступных мне. Длилось может быть минуты две. Казалось, что я не могу прекратить это, даже если захочу. Все, оно вырвалось, его ничто не может остановить, я могла только переживать. Личности в этом месте не было. Тело казалось только сосудом, в котором появилось Нечто. Ничего не было, кроме невыносимости, сильного напора невыносимости. Это восприятие я раньше называла мощным потоком экстатичности, мощным нерушимым потоком. Когда оно есть, я почти не могу контролировать тело. И опять то же качество - оно не может быть коротким всплеском - если уж прорвалось, то длится долго, устойчиво, даже

если я пытаюсь отвлечься от него.

После него - оцепенение, руки дрожат, тело немного ватное, при мысли об этом восприятии обжигает грудь. Отрешенность, будто все отошло на второй план, перестало существовать. Есть нечто такое, что я не могу описать после того, как оно пропадает. Когда оно уже почти спало, мне кажется, что я могу на этот раз описать его более подробно, но пока пишу - полностью забываю хоть что-нибудь, кроме «мощный, невыносимый, вырвалось». Еще я помню смутно, что было желание уйти в него полностью. Сейчас будто вспоминаю очень смутный сон. Было восприятие этого мощного потока, как чего-то близкого, во что хочется уйти навсегда, никогда не возвращаться. Был образ, - я могу уйти прямо сейчас. Была готовность уйти, никаких привязанностей. Там что-то такое, чему невозможно сопротивляться, меня уже не было, было только это невыносимое обжигающее блаженство, которое притягивалось к чему-то еще более невыносимому.

*

Я стояла за воротами и иногда подпрыгивала чтобы взглянуть — что же там за ними - но всегда возвращалась на место, я была уверена, что мне дано только подпрыгивать, чтобы мельком посмотреть за край. Больше мне ничего не светит. Сейчас я открыла эти ворота и увидела огромное поле, за полем лес, за лесом что-то ещё и ещё, и всё это я могу идти и смотреть, лапать, щупать и делать всё, что захочу.

*

Мне хорошо помнится момент, когда я пошел один в пустыню. В моей жизни явно чего-то не хватало, и я не мог сказать — чего именно. Я шел один по Рангаму и увидел огромные деревья — они были такие красивые! А затем я понял, что они такие всегда, и что в моей жизни вот этого и не хватает — постоянного переживания чего-то удивительного, красивого, чего-то зовущего и наполняющего мою жизнь постоянным предвкушением и радостью. Мне казалось, что я сделал потрясающее открытие — можно быть постоянно счастливым. Я начал говорить об этом с людьми, и довольно быстро меня стали воспринимать как человека со странными идеями.

*

Странно, как я мог это забыть? Солнце залило золотым светом поверхность океана - местами проглядывало дно, местами - крупные камни-холмы, выходящие верхушками почти к самой поверхности. Я несколько раз нырял рядом с этими вершинами и знал, что на их склонах живут колонии пятнистых, бело-розовых кораллов. И еще там живет много черепах – их можно лапать и погружаться вслед за ними вглубь океана, ухватившись за края их панцирей.

В какой-то момент у меня возникла уверенность, что отсутствие различимой границы между океаном и небом совершенно реально, и тогда я начал воспринимать все, что видел, единым целым. Когда чувство единства усилилось, я стал переживать его как безобъектную любовь. Я сделал удивительное для себя открытие – безобъектная любовь не означает неспособности испытывать любовь к чему-то конкретному, наоборот – ее очень легко «направить» на что угодно, и это чувство такое сильное и захватывающее, что любовь к одному человеку моментально начинает казаться неестественным ограничением. Я вспомнил фразу, которую когда-то слышал – «Тебя ведь никогда не учили тому, что такое любовь. Тебя учили, как соблазнять, завидовать и ненавидеть, а любить тебя не учили. Ты никогда не знал, что значит любить вот так, без всякой жалости к себе и с полной самоотдачей. Ты действительно хочешь умереть, так и не узнав, что это такое?».

*

Когда долго не видишь море, то начинаешь скучать по нему, как по близкому, любимому существу. Иногда тяга к нему становится такой сильной, что кажется, что не можешь жить без него, хочется писать ему, признаваться в любви, говорить - как сильно ты хочешь к нему, ласкаться с ним. Эта тоска кажется невыносимой.

А когда после долгого ожидания подбегаешь к нему, то оно несется навстречу радостными щенками с высунутыми языками. Они прижимаются животами к самому песку и, виляя хвостами, подползают к лапам, лизнув самые кончики пальцев. А потом, словно поскользнувшись на скользкой

горке, скатываются вниз по песчаному берегу. Но потом вся стая радостно повизгивающих щенков снова несется к тебе, играя и покусывая друг друга.

Люди привыкли любить только людей. Они думают, что любовь – это только условие для видового скрещивания, что любовь существует только для того, чтобы оставить потомство. Они согласны любить, только если они рассчитывают получить знакомое проявление любви в ответ.

Нежное, открытое море. Огромное и игривое. Я по тебе скучаю. Мне хочется общаться с тобой как с любимым существом, но я не знаю как. Я знаю как играть с симпатичной собакой и гладить ее морду, как заниматься сексом с нежным мальчиком, ласкать страстную девочку. Но я не знаю - как испытать такую степень проникновения к тебе.

Соленая вода приятно пощипывает шкурку. Можно сесть на самом берегу, так, чтобы только попа и вытянутые ножки были в воде. Мне нравится испытывать преданность к тебе. Когда-нибудь я научусь любить тебя не кастрировано, а во всю силу, страстно, полностью отдаваясь тебе.

*

Еще мне нравится путешествие, которым пахнет этот вечер. Поглощенная своими мыслями, беспокойствами я почти не замечаю этот запах. Но иногда я останавливаюсь, оглядываюсь на секунду вокруг и вдруг понимаю, что путешествие тут повсюду. В каждой книжке, которая валяется у матраса, в вечерних застывших облаках, в легком движении воздуха.

*

Я заснула одна, сидя на склоне дюны. Переход в сон произошел с такой скоростью, что, казалось, я просто моргнула глазами, а когда открыла их, то оказалась на берегу моря. Это было не то море, которое живет рядом с пустыней, а незнакомая бухта с узкой полоской ослепительно-белого морского песка.

У меня возникло легкое беспокойство от мысли, что со мной что-то не так, и я попыталась разобраться, с чем это связано. Несмотря на то, что у меня не было тела, я по-прежнему могла совершать привычные действия – смотреть по сторонам, думать, переживать и восхищаться красотой этого места. Я также быстро выяснила, что могу делать вещи, которые считала до

этого невероятными – стать волной, подумав о том какая она пенистая, или оказаться на листьях морских водорослей, только потому что захотелось узнать, что они чувствуют, качаясь под водой. Потом возникла мысль, которая показалась просто невероятной – «я не человек».

А кто я тогда? Я не знаю, но очевидно что даже задавать вопрос таким образом неверно – ведь слово «я» никак не подходило к описанию того, что происходило со мной. «Не человек, нет тела, нет «я» – казалось можно было бы впасть в панику и начать лихорадочно искать способ вернуться в привычное состояние, но почему-то не возникало ни беспокойств ни страхов, наоборот... мне было очень легко и казалось, что я избавилась от бремени, от узды, которая сдерживала и ограничивала мои желания.

От мысли, что я окончательно свободна меня охватил восторг. Меня начало просто распирать то мыслей, что теперь я могу быть всем чем угодно – облаками, солнцем, ветром, камнями на берегу. Мне захотелось стать прибрежным песком и в тот момент, когда возникло это желание, я ощутила себя им. Затем на меня налетел ветер – он поднял меня в воздух, и я разделилась на тысячи песчинок. Я могла чувствовать себя каждой из них – той которую ветер унес в море, той стаей, которая кружилась в воздухе, и теми, что продолжали лежать на берегу. Сначала возникла мысль, что можно прожить жизнь каждой песчинки в отдельности, но об этом не хотелось долго думать – слишком привлекательно было воспринимать мир по-другому: я стала тысячей различных, самостоятельных жизней, и в то же время могла чувствовать не только каждой из них по отдельности, но и всей их совокупностью. Наверно так можно воспринимать мир, если начать ощущать клетки своего тела.

Потом ветер что-то сделал со мной – я не помню что, и если бы даже вспомнила, то не смогла бы это выразить в словах. Я почувствовала, что это значит любить как он – любить все чего касаешься, любить каждой клеткой своего существа. Мне казалось, что если ветер даст мне это почувствовать в полной мере, то я перестану существовать, невозможно любить так, как он, и оставаться тем, чем я привыкла быть. Не помню в точности что произошло дальше – я посмотрела на солнце и у меня возникла мысль – «а как это быть солнцем?» Мне стало так невыносимо от одной мысли, что этим существом можно стать, что я потеряла сознание.

*

Если бы я был ветром... Я летал бы по всему миру, терся о поверхность моря и ласкал бы скалы, зарывался в шкуры гималайских тигров, поднимал вихри пыли на дорогах, бодался бы с машинами, спугивал стаи стрекоз, качающихся на травяных стеблях, спал в огромных ржаных полях, забирался под юбки девочкам, таскал за собой по пустынным улицам желтые осенние листья, жил бы на вершинах гор, сдувал песок с песчаных дюн у океана и совал бы свой любопытный нос в расщелины ледников. Я не могу представить, что ветер, оставивший свой след на скалах Темпалайи, не любил их и не испытывал к ним нежность.

*

Мне лет 14-16. Сон. Я с кем-то среди скал, поросших мягким густым мхом. Я даже не знаю, мальчик со мной или девочка. Но я очень сильно люблю это существо. Мне хочется его тискать, хочется видеть, целоваться. Скалы крупные, где-то есть обрыв. Кругом растут огромные деревья с розовыми лепестками. Вдруг налетает порыв мощный порыв ветра. Гроза! Возникает восторг, мы бежим по склону вверх, смеемся, толкаемся. Порыв ветра срывает розовые лепестки и вокруг нас кружится целое облако разных оттенков розового. Мне вдруг становится невыносимо хорошо, «невыносимо красиво» - на фоне черного грозового неба ярко зеленый мох и розовые лепестки в воздухе. Начинается сильный ливень, мы мгновенно промокаем насквозь. Стоим под ним и целуемся. Начинаю просыпаться и не могу поверить, что это был сон. Даже вода была такой мокрой и холодной. И в том мире не было взрослых, не было необходимости спуститься со скал и пойти к родителям. Там вообще кроме меня и того существа никого не было.

(Позже я узнала, что в Китае действительно есть такие деревья, на которых только розовые лепестки. Но перед тем, как увидеть их во сне, я даже не думала, что такое может быть! Я три раза видела очень яркие сны с такими деревьями и только спустя годы узнала, что такие деревья где-то есть на самом деле.)

*

Индия. Ехали в слипере. Вдруг в полусне возникла ясность, что так жить дальше невозможно, что это конвульсии, а не жизнь - всего несколько всплесков ярких озв за день, а потом опять тупое, довольное существование. Эта ясность не сопровождалась ни жалостью к себе, ни чувством безысходности. Это было что-то легкое и солнечное. Радостная ясность - такая жизнь действительно как конвульсии по сравнению с жизнью, когда фоном есть озв. Переживала эту ясность, будто пробовала на вкус.

Вдруг вспомнила. Не понимаю, как такое можно было забыть. Удивительно, что я забыла про это начисто на несколько лет. Вспомнила, что испытала после своего первого траха. Мне почти 18 лет. Мы встречаемся с этим парнем уже год (на каникулах, когда я приезжаю из института), но только дрович друг другу. Я не любила его, но мне надоело ждать принца и уже хотелось попробовать что такое – трахаться в письку. Сам трах мне не понравился – было больно, парень сразу кончил. Конечно, он не лизал мне письку, не ласкал грудки. Ночью я уехала в Питер, поэтому не было возможности продолжить с ним трахаться. В понедельник утром на парах на меня вдруг нахлынула сильная нежность, потребность любить. Я не могла досидеть до конца пар. Не понимала, что со мной происходит. Мне казалось, что секс – это самое удивительное, что я знаю. Мне хотелось трахаться долго, разнообразно, с самыми разными мальчиками и девочками. Хотелось сосать хуи, целовать и вылизывать ляжки, мордочки. Я с трудом досидела до конца пар.

Обычно после института я сразу шла в коммуналку, болтала с двумя своими подругами, зубрила что-то, испытывала смертельную скуку и ревность к своему мальчику, который остался в деревне. В этот раз я зашла в нашу комнату и поняла, что не могу там больше находиться. Было удивительно оттого, какие мрачные лица у моих подруг, какие они вялые и раздраженные. Я вдруг увидела в них старых женщин. С ужасом поняла, что мы можем сидеть целыми днями, месяцами, говорить об одном и том же, вариться в этой серости... Не могла понять – как они могут не любить (они обычно никого не любили, хотя я всегда была в кого-то влюблена). Мне захотелось сбежать. Я ушла к Петропавловке, сидела на берегу и гуляла до темноты. Мне хотелось прекратить эту жизнь, начать что-то совсем другое. Сильно этого хотелось, но все таки ни разу не задумалась всерьез. Я была

слишком беспомощной. Нищей, которая ни за что бы не поверила, что сможет нормально зарабатывать.

Самой сильной была потребность любить. Странно – у меня в тот период были монументальные концепции о верности, и вдруг они куда-то исчезли. Я хотела любить одновременно разных девочек и мальчиков, и у меня даже сомнений не возникало в том, что это возможно. Понятие ревности перестало для меня существовать – правда, только на те 5 дней, когда я испытывала это переживание. Я не понимала, как можно хотеть трахаться только с одним человеком, с одним хуем, ведь почти каждый мальчик или девочка, которых я видела, вызывали у меня возбуждение, влечение. Я сидела на берегу и фантазировала. В фантазиях доминировала нежность, желание сделать все для тех, кто вызывает у меня нежность, желание, чтобы было другое общество или сообщество людей. Чтобы эти упыри не были для нас опасны, чтобы действительно можно было ласкаться где угодно, всем вместе. Я понимала, что в том мире, в котором я живу, это невозможно. Иногда у меня перехватывало дыхание от того, каким сильным становилось желание испытывать нежность и влюбленность, текли слезы. Хотелось повторять, что мне удивительно хорошо, что мне нравится жить, что со мной происходит что-то офигительно приятное.

Я просто ходила по улицам. У меня не хватило смелости искать таких же как я. Я прогнулась под окружающих – как всегда. В этом мое кардинальное отличие от Бодха. Даже если все будут кричать ему, что он мразь, сволочь, что его нужно убить, четвертовать – он никогда не под кого не прогнется и не прекратит поиски, не прекратит строить ту жизнь, какую он хочет. Он так и делал. Мордосообщество – то, что он создал, чего не было бы еще тысячи лет, если бы не он. Никакое мордосообщество не возникло бы само по себе. Он продолжал его строить, убивать все свое время на работе даже когда имеющиеся у него морды вдруг оказывались полным дерьмом, мелочным, отчужденным и агрессивным.

На парах это состояние не пропадало. Даже в мрачном институте меня иногда перехватывало дыхание от того, как хорошо, как радостно, от желания испытывать нежность, было фоновое желание скорее уйти из института в лес, поле, к морю. Все свободное время была где-нибудь у воды, у морд деревьев, особенно часто на Неве. Я не могла насмотреться на это

небо, зеленые существа, воду, все в весеннем закатном солнце.

Влюбленность сильно резонировала с любыми мордами земли. Я не могла от них оторваться. Когда видела всплеск сверкающей от солнца воды, облизывающий пухлые булыжники, мне хотелось замереть от изумления. Все морды Земли были близки тому, что я испытывала. Их тоже хотелось как-то ласкать, особенно воду и небо. Так сильно хотелось найти такого мальчика, что иногда казалось, что он появится прямо передо мной. И все таки удивительно, что я нашла его и похожих на него людей. Случайным стечением обстоятельств – ведь я сама никогда не полезла бы в интернет искать какие-то Пути – мне это было чуждо.

Не могла поверить, что так долго может быть вот так хорошо. И безо всякой причины. Солнце уже село, подул теплый ветер, и мне показалось, что он плотный, густой и обнимает, возникла близость к нему. Такое же восприятие ветра как живого было в Таиланде, когда он вдруг стал слишком плотным и потрогал меня за попу.

Удивительно, что я на самом деле все это забыла, хотя это было на первом курсе, то есть 5 лет назад. Я помнила только зрительные образы, что я много гуляла, но не могла вспомнить, что я испытывала. Вспомнила сейчас, что через неделю яркого испытывания этого состояния я стала постепенно сомневаться и подавлять его. Видела, что люди совсем не такие и стала бояться сильно хотеть, бояться испытать сильные негативные эмоции от того, что сильно хочу и не получу ничего. В результате все забыла и вытеснила. Когда прочитала книгу бо, была уже почти трупом - никаких сексуальных желаний, никаких других ярких желаний, никаких поисков чего-то неизвестного. Есть удивление, что такой труп все равно узнал то, что написано в книге, испытал резонанс и после полутора года усилий опять стал способен пережить это состояние. Когда я его вспомнила, опять возникло такое же сильное желание-потребность любить, испытывать нежность, преданность, возбуждение и влечение ко всему, что есть в этом мире. Переживается как освобождение, будто меня выпустили на волю, как будто все, что мне было необходимо чтобы освободиться - это вспомнить.

* Восприятие «мир переполнен». Это не просто куча недеревьев, негор, неморей, недождей, неморд, это такая интенсивная насыщенность в каждой секунде жизни, в каждом вдохе - здесь столько всего, что мне никогда не

познать всё - и это все вместе так привлекательно! Нет границ.

- * Яркое переживание влюбленности ко всем мордам.
- * Преданность Бодху, я ничего бы не вспомнила без него.
- * Чувство освобождения, что-то прорвалось, вырвалось, свобода.
- * Переживание близости с Рамакришной. Уверенность, что ему знакомо это невыносимое желание любить.
- * Наслаждение и твердость в груди, горле и подбородке.
- * Неожиданная бодрость, не хочу спать, хочу переживать, сосредотачиваться.
- * Яркое переживание всех морд земли как живых. Раньше удавалось переживать только всплесками, а сейчас будто вспыхнуло что-то, и я увидела, что все они - живые.
- * Удивление от того, какой яркой и насыщенной может быть радость, еще раз ясность, что вся моя жизнь - это конвульсии.
- * Этот мир невозможно не любить, как можно быть серой в таком мире, как можно испытывать негативные эмоции в таком мире?
- * Подхожу к оргазму, в лапах ощущение содранной кожи, обжигающего ментола, до коленей поднимается интенсивное наслаждение, в коленях оргазм, что то приятно щекотящее, в груди то же что в коленях, пульсирует вместе с дыханием.
- * Вспоминаются другие случаи, когда я испытывала чувство красоты, влюбленность, восхищение, нежность к мордам земли.

Это желание сильно резонирует с Гангой в Варанаси - мы брали лодку рано утром и плавали вдоль Гатов и к другому берегу. На другом берегу пустынно, нет людей, далеко деревья. Только песок, мутная вода Ганги, небо и орлы. Видела как орел мочит попу в воде - зашел по животик, балансировал чтобы хвост не намочить. Сосредотачивалась на этом желании любить. Возникло отчетливое узнавание берега и того момента - дежавю. Уверенность, что я видела это, и не во сне. Близость. Пережила резонанс влюбленности в землю с безмятежностью, поняла, что эти восприятия легко испытывать вместе. От безмятежности возникало разламывание в пупке. После этого снова и снова приходила на Гангу, было такое отчетливое желание, будто меня туда тянет, хотя внешне Ганга может показаться

непримечательной. Видела странную ворону: я сидела на берегу и порождала безмятежность, влюбленность в землю. Она подошла ближе ко мне и смотрела на меня не отрываясь. Как только я переводила на нее взгляд, она начинала ковырять что-то под лапами, прохаживаться, и смотрела куда угодно, только не на меня. Как только я начинала смотреть на реку, она останавливалась и опять не отрываясь смотрела на меня. Так раза 4-5.

*

Впереди был целый день, и я решил пошляться по Арекипе – плана не было и я не смотрел на карту, просто сверял маршрут с предвкушением, сворачивал в закоулки и ждал, когда неизвестное покажется из-за ближайшего угла. Минут через двадцать я вышел на площадь, которая виднелась на холме, и сразу понял - это место, как две капли воды, похоже на ранее виденный сон. Я подумал, что если уверенность в происходящем является основным критерием действительности, то можно утверждать, что вспомнившийся сон превратился в полноценную, не вызывающую сомнений реальность.

В этот момент у меня и возникла мысль, что реальность происходящего – это просто механическая уверенность, обусловленная интенсивностью привычных для нас восприятий. Самые интенсивные восприятия – это тактильные, слуховые и зрительные, поэтому все, что можно услышать, увидеть или пощупать становится реальностью, не подвергаемой сомнениям. Если предположить, что появится другое восприятие, сопоставимое по силе и интенсивности с тем, что с нами происходит, то привычная реальность «даст трещину»... именно в такой «трещине» я и находился - смотрел на привычный мир своими глазами и был уверен, что нахожусь во сне. Ощущение сна исчезло минут через десять, и у меня возникла мысль, вызвавшая удивление – я ведь не засыпал привычным для меня образом, все произошедшее стало результатом действия неизвестного триггера; и даже не имея объяснения произошедшему, можно сказать - если триггер есть, то значит и «сон наяву» это явление, которое поддается контролируемому повторению.

*

Чем меньше город, тем быстрее он становится пустынным к вечеру. Признаки размеренной жизни поселения, заметные днем, постепенно исчезают, и неожиданно становится кристально ясно – этот город когда-нибудь умрет окончательно. Люди уедут, здания обветшают вместе с оставшимися жильцами, и последним прохожим на улицах будет только ночной, холодный ветер, изредка залетающий с озера. Волны будут шуметь у свай пристани, где пришвартовался последний рыбацкий корабль, где-то хлопнет на ветру никем не закрытая дверь, прибрежная трава покроется первой осенней изморозью, и вдруг станет ясно - это место давно живет своей жизнью... независимой и безучастной к моему присутствию.

В такие моменты моя жизнь кажется чем-то очень незначительным и способным легко исчезнуть; кто знает - вдруг этот набирающий силу закат действительно последний? Я хочу уйти вместе с этой ночью и не хочу еще одного утра, когда все будет казаться приемлемым. Я не хочу смотреть на мир сквозь занавески обустроенного дома и слышать из соседней комнаты голос, напоминающий, что жизнь, хоть и была по большей части бессодержательной, все же была прожита вместе. Я очень хочу любить - мне так этого не хватает, и почему-то именно в моменты, когда легко ощутить, что мир вокруг меня опустел, начинает казаться, что в жизни появляется незнакомая до этого полнота. Она не кажется враждебной несмотря на то, что в ней очень легко забыть о себе, как о человеке с определенным набором качеств - она легко переживается как то, чего я всегда ждал и хотел.

*

Хочу рассказать про немного странное явление. Опять повторяется то, что было и раньше - когда наиспытывала относительно много ОзВ за относительно короткий период.

Легла спать. Возникла уверенность - Будда есть. Знаешь разницу между мыслью и уверенностью - могу думать сколько угодно о Будде и это никак не изменит мое состояние. Но когда возникает уверенность, состояние меняется. Возникла преданность ему. И почти сразу - восприятие присутствия Будды рядом со мной. Мой мальчик. Большую часть времени его присутствия мне просто хотелось повторять, что я сильно люблю его, что я готова прямо сейчас отдать за него жизнь не раздумывая. От этого возникал

восторг и радость, и никаких сомнений. И уверенность, что он меня тоже любит. В тот момент не было никакого чувства собственной важности, только открытость, восприятие нас как равных, хотя я понимала гигантскую разницу между нами.

Потом возникла преданность к тебе и желание просить Будду чтобы он тебя учил, чтобы ты добился того, что хочешь. Желание было почти без слов. Сильно хотелось, чтобы Будда знал о тебе, сделал для тебя все что захочет, хотя я понимаю, что вы и без меня разберетесь :) Это не воспринималось как молитва за тебя или прошение, просто сильно хотелось выразить свое желание.

Восприятие присутствия - это очень сильная уверенность, что он здесь. Я пробую щас породить ее сама, и вообще ничего не получается. А когда спонтанно возникает восприятие присутствия этого мальчика (Будды), я уверена в этом как в том, что у меня две руки. Никаких видений не было - просто уверенность и никаких зрительных картинок. Потом возник очередной всплеск преданности ему и возникло желание стать свободной, такой же как он. И почти сразу - желание чтобы все люди стали свободными. Возник отчетливый образ того, что это возможно и когда-нибудь все люди смогут этого добиться. От этого преданность усиливалась. И потом захотелось не уходить отсюда пока все люди не достигнут освобождения.

Я сейчас ничего такого не испытываю. Просто описываю по памяти. Хотя когда испытывала это, казалось что такое невозможно забыть. Еще это состояние казалось самым привлекательным из возможных состояний. Это странные явления потому, что я несколько не изменилась. Почему-то при накоплении определенного количества ОзВ за определенный период у меня появляется вот такое восприятие Будды и иногда видения, которые резонируют с ОзВ. Но при этом прямо сейчас я такая же ревнивая, жадная, неискренняя как и в те дни, когда мы расстались, и ты уехал в путешествие. У меня раньше раздувалось чувство собственной важности от таких видений и казалось, что я особенная. Но после них я залипла в таком дерьме с мужьями, что щас смешно считать себя особенной. Хочется просто описывать их тебе. Я не хочу залипнуть в гордости и потерять этого мальчика, потому что сильно его люблю. Еще когда я испытывала

преданность к нему и подумала о тебе, он стал показывать мне тебя, ты светился, он будто приближал твой образ ко мне. И каждый раз когда он так делал, моя преданность ослабевала. Заметила отчетливую разницу - к Будде у меня безоговорочное доверие. Хотя я и ничтожество, я уверена, что он любит меня. А когда видела тебя, сразу возникали скептики и мысли: "нет, не будет Бодх общаться со мной так же как ты, не будет он любить меня так же как ты, я ему слабо приятна". При этом никакого восприятия тебя не было. Было отчетливое восприятие присутствия Будды в этой комнате, и так же отчетливо ясно, что от тебя как бы есть только изображение, но тебя в этой комнате нет.

Потом возникла уверенность, что и боги, о которых он говорил, тоже есть. И сразу возникла преданность к ним, восприятие их очень близкими, желание попасть к ним. Это возникало всплесками и быстро пропадало. Устойчивым была только сильная любовь к Будде. А я ведь даже не знаю, что это за Будда. Их же вроде было много, больше десяти. Но у меня каждый раз есть уверенность, что это одно и то же существо.

Еще возникало сексуальное влечение к нему. Хотелось забраться на его хуй, целоваться. С удивлением зафиксировала, что никакого ханжества по отношению к нему нет. Мне радостно "говорить" ему, что хочу с ним ебаться и сосать.

Пока описывала, почти полностью забыла, как все это переживалось. Помню только мысли, которыми описывала происходящее чтобы запомнить. Я еще подумала тогда, что если я наберу еще больше ОзВ, восприятие этого мальчика (че-то не хочется называть его важным именем Будда) станет отчетливее. И тогда от этой мысли стало очень приятно в груди и захотелось зажмуриться от удовольствия. Но сейчас такой стимул совсем не срабатывает, и кажется, что все это было очень давно.

*

Представь себе туман, в котором практически ничего не видно кроме его пушистой белизны и мокрых осенних листьев, плавно парящих в воздухе. Поезд врывается в этот туман на всей скорости и продолжает в нем плыть. Листья, как любопытные существа, иногда приклеиваются влажной

поверхностью к стеклу и смотрят на тебя и на незнакомый им мир. Они висят какое-то время на стекле, а затем ветер отрывает их мокрые любопытные морды и снова уносит в туман. Кажется что вокруг очень тихо – в тумане не может быть громких звуков, и ритмичное постукивание колес о железнодорожное полотно только усиливает контрастностью эффект тишины. Через какое-то время ты становишься настолько поглощен тем, что на тебя смотрит другой мир, что забываешь о себе. Что-то происходит с тобой – ты не можешь сразу сказать что, но перемена очевидна, хотя описать ее в словах практически невозможно.

*

Очень часто я закрываю глаза, чтобы сосредоточиться на каком-нибудь образе, и таким образом стараюсь «удержать» его. Такой способ сосредоточения превратился в устойчивую привычку, поэтому то, что произошло сегодня, вызвало очень сильное удивление.

Я шел по улице и неожиданно понял, что воспринимаю одновременно два образа – первый был привычным деревом, второй – образом огромного светящегося туманно-золотистого шара размером чуть больше дерева. Самое удивительное было то, что восприятие туманно-золотого шара сопровождалось непоколебимой уверенностью, что «это тоже дерево». Более того, я был уверен, что так дерево и выглядит на самом деле. По привычке я закрыл глаза чтобы сосредоточиться на восприятии золотого шара, но как только я закрыл глаза - образ пропал. Я снова открыл глаза и увидел светящийся шар.

*

Как это охуительно - лежать одному на крыше, в незнакомом тебе городе. Я в первый раз в этом месте, приехал сюда на поезде, ознакомившись только с общими географическими данными из путеводителя. Город стоит посреди пустыни, но она не такая как Пески в Рангаме. Здесь нет Пределов и пустыня очень нежная – особенно сейчас, когда солнце садится, и в городе начинают загораться огни.

С крыши виден весь город. Слева торчат несколько фабричных труб, справа - здания деловой части города, а впереди видны темные борозды

параллельных улиц, поперек которых развешены веревки с бельем. На закате ничто не кажется обыденным – даже простыни, которые слегка колышутся на ветру. Они напоминают день, когда я впервые поднял парус на мачте морского фрегата. Мне приходилось подпрыгивать и виснуть на канате всем телом, чтобы поднять парусную рею. От трения каната у меня появились красные опухлости на ладонях, но я ничего не чувствовал – я видел как ветер начал хлопать парусиной и мне казалось, что парус вдруг зажил своей жизнью. Фрегат понесся к горизонту и у меня возникла уверенность, что поднятие парусов сделало меня близким морю существом, и что я стал частью темноты, поднимавшейся над горизонтом.

*

Самое удивительное, что вместе с отчетливыми неприятными воспоминаниями об этих днях, я могу представить тот же самый город, но при этом испытывать что-то совершенно отличное от того, что испытывал тогда. Я могу вспомнить, как легко в этом городе испытывать зов в неизвестное, как воздух был наполнен нежностью и как хотелось раствориться в нем, чтобы чувствовать к деревьям то же, что чувствовал воздух, как лето превращало этот город в лабиринт камней, запахов и просветов неба между зданиями, как все было наполнено чем-то таким узнаваемым, что хотелось испытывать это каждой клеткой своего тела.

*

Прямо с самолета я вышел в начало трека и подумал – сейчас я испытываю нежность к горам, предвкушение встречи с тем, что никогда не видел в своей жизни, легкость и радость от того, что вокруг меня удивительные по красоте горы – почему же мне не удастся испытывать это все время? Ответ меня немного удивил: «...Потому что это не практично». А что тогда практично? То, что я испытываю подавляющее большинство времени - раздражение, недовольство, страх будущего, стеснение, неловкость, озабоченность мнением других людей, жалость, злость, агрессию, апатию, серость – это чем-то практично? Конечно нет, более того - это в значительной степени осложняет жизнь и делает ее крайне неприятной. Если чувство красоты, радости и предвкушения взять за точку отсчета того,

ради чего стоит жить, то разве нет оснований считать людей добровольными самоубийцами?

*

В автобус зашло только несколько человек, и я оказался практически в полном одиночестве, сидя на первом сиденье у огромного лобового стекла. Тело было неподвижно вдавлено в комфортное откидывающееся сиденье, и за окном нескончаемой полосой тянулась плоская, как ладонь, Синайская пустыня. Неожиданно я заметил, как вдоль шоссе идет человек. Последний жилой пункт был в часе езды позади; и впереди, до самого горизонта, не было заметно никаких следов поселений. Несмотря на 40-градусную жару, мужчина был одет как типичный представитель среднего класса – аккуратные брюки с выглаженными стрелками, офисной модели черные начищенные туфли, и рубашка, поверх которой была накинута легкая, наглухо застегнутая жилетка. В голове прозвучала мысль «этого не может быть» - и в тоже время, я все отчетливо видел своими глазами. Автобус быстро просвистел мимо пустынного прохожего, но ощущение невозможности происходящего осталось.

У снов есть две отличительные особенности - в них нет ощущения «я», и в них не подвергается сомнению происходящее - даже если оно выходит за рамки представлений о возможном.

*

Перед засыпанием было интенсивное радостное желание испытывать ОзВ, пронзительное. Возникла сонливость, я знала, что будет осознанное сновидение, так как состояние было знакомым. Осознала себя быстро, кажется, что сразу как только уснула. Увидела каменную мостовую, ступеньки. Осознание было довольно отчетливым, процентов на 50-60. Когда осознала себя, ОзВ усилились. Как только усилились ОзВ, я стала легче и поднялась над землей, я еще усилила ОзВ и стала подниматься еще быстрее. Потом это как-то прекратилось, помню, что меня стало тянуть куда-то. Я летела спиной вперед на большой скорости, пролетала сквозь людей и дома, но чаще летела по траектории улиц. Была мысль, что меня тянет к какому-то существу. Это тоже как-то прекратилось, думаю, что у меня возник

дискомфорт от нового состояния такого полета, и я захотела прекратить. Одни раз чуть не потеряла сознание, но приложила усилия, и удалось его сохранить. Не помню, как, помню только, что это было легко, и если в бодрствовании научиться контролировать, то и здесь будет легко. Стала узнавать улицы, возникла мысль, что я уже была здесь, ходила по ним. Пошла к Щ (в школе хотела с ним трахаться). Он сидел на кровати, я растегнула ему ширинку и стала сосать хуй. Возникло сильное возбуждение, с трудом удерживалась от оргазма, но все равно продолжала сосать и покусывать хуй. Потом захотела трахаться в попку, у него никак не получалось вставить хуй, я посадила его на кровать и сама села на хуй, попрыгала. Сначала было очень яркое наслаждение, когда оно стало спадать, слезла с хуя и ушла.

В коридоре было три двери (не до пола). Когда я шла в дом, я прошла их насквозь, даже не заметив, а когда шла обратно, уперлась в них и пришлось пролазить под. Возникла ясность, что либо из за траха, либо из за подхода к оргазму моя способность передвигаться, быть легкой здесь (а может и бодрствовании) значительно снизилась.

Вышла на улицу. Это был каменный город, много ступенчатых мостовых, узкие улочки, слева зеленая морда горы, серые низкие облака. Возникла уверенность, что я не просто уже была здесь, а была не раз, и может даже жила. Потом мысль о том, что это может быть что-то вроде параллельной реальности, потому что здесь живет много людей из мест, которые я видела. То есть я жила с ними в тех местах и в то же время жила с ними здесь.

Посмотрела на гору и вспомнила, что там река. Побежала к горе, когда город закончился, выбежала на небольшую полянку - у подножия горы была река, мутная, неширокая, вроде не примечательная на вид, но сразу возникла близость к ней. Я знала, что была уже здесь, часто к ней ходила и пилилась на нее. Пошла обратно в город, хотелось еще потрахаться. Стала предлагать мальчикам отсосать. Они отшучивались, смущались и выражали презрение. Собралась толпа мальчиков вокруг меня. Я показала на одного и сказала, что хочу его. Встала перед ним на колени, но он стал говорить, что еще день, все видят, и он не может. Я встала и сказала: неужели вы даже в осознанном сновидении такие?

Они: В осознанном сновидении?

Я: Ну во сне.

Они: Во сне? Она бредит.

Я пошла от них в сторону безлюдной площади. Вдруг вспомнила про дону Хуана. Возникла такая яркая преданность к нему и предвкушение того, что я могу его позвать, что я стала просыпаться. Знала, что если прекращу эти Озв или приглушу их, наращивая постепенно, смогу удержаться в сновидении, но не хотела останавливаться. Точнее не успела. Была мысль, что хочу попробовать так, и проснулась.

*

Целый день сдавали нормативы для сертификата дайвмастера - я даже не думала, что могу быть такой собранной, сильной и серьезной и усваивать в точности те навыки, которые от нас требовали.

После того, как вернулись на берег, мы стояли на деревянных настилах, неожиданно возникло интенсивное блаженство и вместе с ним – отчетливое состояние, будто нахожусь одновременно в двух местах – там, у моря и в заснеженном лесу. На пушистых сугробах сверкало солнце, передо мной – озеро, залитое льдом и снегом. Мохнатые ветки елей скрыты шапками снега, все ослепительно сверкает в лучах солнца. Отчетливая уверенность, что в том месте нет людей, вообще никого нет и не может быть. Отчетливое восприятие отрешенности и неизменности, которое можно описать словами «здесь всегда так», «здесь даже нет времен года», «здесь никогда ничего не меняется». Возникло устойчивое восприятие себя неподвижной – я могу только смотреть, стою там и не могу пошевелиться. Картинка такая же отчетливая, как во сне - только я не сплю, и одновременно вижу то, что обычно вижу в бодрствовании.

*

Оказывается качка – это очень классно. Когда засыпаешь в темной каюте, и тебя качает - то кажется, что ты подвешен в бесконечном пространстве ночного неба, по которому ты перемещаешься в невесомости. Ты не видишь звезд, но знаешь что они рядом, как и огромный, мерно колыхающийся за бортом океан. Днем, качать может так, что, посмотрев в

окно, ты увидишь только очерченный рамкой квадрат синего неба, а в следующую секунду, кинув взгляд за борт, ты увидишь лишь поверхность океана и тонкую полоску горизонта вдали. Иногда волны запрыгивают на балкон каюты и, ударившись об стекло, медленно сползают, оставляя размытые следы.

*

Розовые дельфины – очень игривые существа, они часто появляются на поверхности и издают настолько человекоподобные фыркающие звуки, что к этому необходимо привыкнуть. Иногда они выныривают в метре от тебя, а иногда скользят по твоему телу под водой. После того как проходит первый испуг, этого касания начинаешь ждать с нетерпением – кажется, что время неожиданно замедляется, и момент, когда дельфин прикасается к твоему телу, длится бесконечно, забываемо долго.

*

Преданность Озаренным Восприятиям. При каждом всплеске ОзВ возникает непереносимое желание испытывать их. Зов и томление - как будто кроме этих озв есть что-то огромное, сильно привлекательное, без чего я не могу жить. Но не могу вспомнить, что это. Сильно хочется туда вернуться. Невозможно ни есть, ни спать, пока это не произойдет, пока я не пойму, чего мне так сильно хочется и как я могу достичь этого. Пока есть такое стремление, не возникает желание делать никаких скидок, поблажек, ничто не может его ослабить, никакие мысли о близком результате или недостижимости результата. Оно всегда сопровождается требованием "сделать это немедленно, добиться этого прямо сейчас". Нет никаких условий, которые заставили бы меня отложить это путешествие. Раньше, когда стремление ослабевало, возникало довольство. Я была уверена, что у меня впреди куча времени, и что путешествие в бесконечность мне уже обеспечено, рано или поздно я буду там. Сейчас воспоминание об этом возвращает меня в состояние решимости. Если бы можно было добиться свободы, разбив руками стены, я бы сделала это. Возникает отчаяние, мысли - только бы не забыть, что возможен другой мир, другая жизнь, только бы не

залипнуть в удовольствии опять в следующий раз, когда буду пить клубничный сок.

*

Майский вечер. Мы гуляем с тобой в лесу. Молчим, вокруг деревья. В голову приходит идея, и я хитро смотрю не тебя. Ты не подозреваешь, что я задумала. Беру твои руки в свои и веду тебя с тропинки в глубь леса, подвожу к большому стволу дерева и прошу тебя стать лицом к нему. Ты не понимаешь, зачем это мне, спрашиваешь. Я говорю, что мы сейчас будем играть. Ты соглашаешься. Я подхожу к тебе и прижимаюсь сзади, говорю на ухо: «Ну вот ты наконец и попался!» Ты слегка поворачиваешься и спрашиваешь, что я имею в виду. Я приказываю, чтобы ты стал лицом к дереву и скрестил руки за головой. Прижимаюсь к тебе еще сильнее.

Я: «Мы разыскиваем особо опасного преступника, которого приказано задержать. Ты полностью подходишь под его описание. Мне необходимо тебя обыскать и все проверить».

Начинаю ласкать твою спинку, плечи. Потом расстегиваю свою кофточку и снимаю ее, остаюсь в одной майке. Сосочки набухли от возбуждения. Обхватываю своими ногами твои, крепко прижимаюсь бедрами к твоей попке, трусь грудками о твою спинку, ласкаю тебя, совершая такие движения, как будто обыскиваю. Расстегиваю твои штаны и стягиваю их вниз. Мои руки становятся горячими, дыхание учащается. Одной рукой я крепко обхватываю тебя за талию и прижимаю к себе, а другая скользит все ниже и ниже, пока не наткнется на горячее и твердое. Шепчу: «Только по этому признаку и можно опознать разыскиваемого».

Снимаю с тебя трусики и разворачиваю к себе лицом. Хуй горячий, плотный, бесстыдно торчит мне на встречу. Опускаюсь на колени и беру хуй в ротик, при этом смотрю тебе в глаза. Ты упираешься ладонями мне в плечи – они такие горячие и сильные. Ласкаю язычком головку – то легко и быстро вожу по поверхности головки, то сильно сжимаю ее губами, посасываю. Ты закрываешь глаза и тихонько стонешь. Беру хуй глубоко в ротик и начинаю двигаться. Мгновенно становится жарко. Мне очень приятно доставлять тебе удовольствие. Ты стонешь, сжимаешь мои плечи и просишь остановиться.

Я встаю, прижимаюсь к тебе (твой хуй упирается мне в животик), сморю тебе в глаза и говорю: «По данным экспертизы можно сделать вывод, что ты и есть тот самый опасный преступник. Такого хуя действительно нет ни у кого. Но что же теперь делать? Не хочется, чтобы мальчик с таким хуем попал под арест». Глажу твои щеки, волосы, смотрю в глаза. Тело затапливает мягкая нежность, пальцы чуть дрожат. Ощущение приятной щекотки и сладости в горле. Ты предлагаешь откупиться. Я говорю, что деньги мне не нужны. Ты отвечаешь, что имел ввиду не деньги. Я делаю вид, что раздумываю, сомневаюсь, а потом соглашаюсь.

Подхожу к дереву, становлюсь к тебе спиной, снимаю джинсы и трусики, расставляю ножки, держусь руками за ствол. Ты подходишь сзади, сжимаешь ладонями мои бедра иходишь. Острое наслаждение и жар во всем теле, я не в силах сдерживать стон. Ты насаживаешь меня на свой хуй, двигаешься все быстрее и сильнее, проникаешь в самую глубину. Это уже не возможно вытерпеть. Сдавленным шепотом прошу тебя остановиться.

Выходишь. Я поворачиваюсь к тебе, начинаю гладить лицо, целовать, тереться об него своим. Сжимаю ладонями твою мордочку, смотрю в глаза. Шепчу: «Придется тебя отпустить»...

*

Порождала ОзВ, но несмотря на то, что удавалось порождать, было ощущение, что я не могу в них удержаться, что меня что-то оттягивает обратно. Тогда возникло яростное желание прорваться сквозь эту пелену. Последнее, что я помню, это мысли о Рамакришне и Бо, симпатия к ним.

Оно появилось то самое ощущение, при котором пропадает зрение, появляется онемение тела, тяжело дышать. Захватило, накрыло. Я одновременно пытаюсь и позволить ему развиваться, захватить меня полностью, и пытаюсь наблюдать за этим состоянием и описывать. Длилось в 1,5 раза короче, чем предыдущее. В какой-то момент я то ли вспомнила, то ли восприняла что-то светлое. Когда ощущение стало проходить - вспомнила Бо. Возникла мысль, связанная с ним, но ее тут же забыла, как забываются «интересные» мысли перед пробуждением. Потом почему-то поняла, что могу туда вернуться точно так же как возвращаюсь в осознанное сновидение. Попыталась, и онемение стало возвращаться, но я сама же себе мешала

недоверием, как раньше у меня не получалось возвращаться в осознанное сновидение, так как я не верила, что это возможно.

*

От этого наблюдения у меня возникло странное ощущение в теле – раздался щелчок в области шеи, хотя он не воспринимался как что-то, что происходит в границах физического тела. Несколько секунд я находился в состоянии, когда не мог собрать «мысли воедино», а затем мое внимание резко обострилось – казалось, что кто-то просто навел фокус, и все стало восприниматься по-другому.

Я начал воспринимать происходящее с очень непривычной для меня кристальной и трезвой ясностью: я еще не проснулся полностью, я во сне. Я также понял, чем мне привлекательно новое состояние – свободой выбора – я могу анализировать, могу испытывать изумление происходящим, могу по желанию не думать ни о чем, кроме того на чем хочется концентрироваться, или могу испытывать только определенные, не затуманенные ничем другим переживания – например чувство тайны или чувство красоты. Это намного более привлекательно, чем быть человеком, неспособным контролировать происходящее... Еще возникла удивительная ясность – контроль, это не способность по желанию подавлять мысли и желания, это полная противоположность - способность выбирать, что я хочу в данный момент испытывать и продолжать испытывать это ровно столько, сколько хочется.

*

Так клево просыпаться утром: сжиматься комочком, а потом потягиваться как кошка – тянуть лапы, растопыривать пальцы, запрокидывать голову назад, переворачиваться с пуза на спину, выпячивать попу, зевать, издавая мурлычущие звуки – всем своим тельцем двигаться так, что каждая его часть постепенно просыпается. А потом, сменяя одеяло, обхватывать его всеми четырьмя лапами, укутываться в него, потом отбрасывать в сторону, а потом опять зарываться в него – такое мягкое и теплое. Смотреть на окно и видеть новый день, с ярким солнцем и голубым чистым небом.

Мне нравится идти по улице в этом настроении, когда все радует, когда

все так красиво, свежо. Когда ветер дует в лицо и развевает волосы, когда желто-оранжевые листья шуршат под ногами, когда на голубом безоблачном небе ярко светит солнце, когда воздух такой свежий и прохладный, когда смотрю на тоненькие, немного качающиеся деревья, когда смотрю вдаль, не заостряя взгляд на чем-то - когда есть удовольствие от жизни.

*

Я ехала в автобусе и слушала музыку - Милен Фармер. Когда пялюсь в окно, возникает предвкушение путешествия - представляю, что я в другом городе, что тут все новое для меня. Нравится чувствовать скорость автобуса, и видеть как мимо проносятся другие машины – за одну-две секунды, и больше я их не вижу. Нравится проезжать мимо деревьев или полей, смотреть вдаль – все эти пейзажи тоже быстро сменяются. Я представила, как тискаюсь с девочкой, и у меня возникло возбуждение, очень приятное, не слабое, но и не слишком сильное. В этом возбуждении как будто было что-то новое для меня – легкое щекотание в письке, ощущение прикосновений от трусиков, и кажется что это ощущение немного отличается от привычного мне возбуждения. Я представляла как я ходила с искусственным хуем и дрочила. Я смазала его гелем, чтоб рука лучше скользила по нему. Я вспоминала как дрочила пальчиком письку девочке, как она вздыхала. Представила, что сначала я засовываю в письку один пальчик и трахаю ее, потом другой. И хочется слышать как она вздыхает, а потом стонет - от этого я тоже возбуждаюсь. Представила, что она меня трахает хуем: мы обе сидим, я сверху, поэтому можно не просто трахаться, но еще и обниматься, нюхать друг друга, целоваться. Представила, что я продолжаю тискаться с этой девочкой, а кто-то подходит сзади и начинает трахать меня.

От всех этих мыслей, пока ехала в автобусе, возникло такое состояние, что хотелось плакать. Я смотрела в окно, просто замерла, у меня слезились глаза, такое ощущение будто что-то хотело вырваться наружу. В районе груди были приятные ощущения, а если концентрировалась на подошвах лап, то там тоже возникало что-то приятное.

Когда вышла из автобуса, было ощущение легкости, не хотелось смотреть на людей. А если взгляд падал на них, то все они казались такими неживыми, серыми, недовольными, озлобленными. Как будто я попала в

новое для меня место, по другому начала воспринимать всех вокруг - не просто понимать, что люди – зомби, а чувствовать это. Я ехала час, но было ощущение того, что это длилось больше.

*

Вечером рядом с кораблем летела стая чаек - они кружились вокруг, но через какое-то время стали удаляться в сторону горизонта и через несколько минут пропали в сумерках. Мне не удавалось отследить момент, когда они окончательно исчезали - иногда казалось, что я еще различаю черную точку в темноте, но в следующий момент ее уже не было. Где сейчас эта чайка? Продолжает лететь? Растворилась в неизвестности? Осталось ли она чайкой после того, как исчезла?

*

Когда я ходил по трекам чилийской Патагонии, то один раз вышел на озеро с плавающим айсбергом. Издалека казалось, что айсберг был внушительных размеров, но спустившись к озеру, я понял, что он значительно больше, чем представлялся изначально. Неожиданно раздался оглушительный треск - хотя слово оглушительный не совсем точно... треск был такой силы, что я на секунду потерял зрение и стал полностью дезориентированным. Звук не воспринимался как боль в ушах и не сопровождался неприятными ощущениями, но эффект от временного оглушения и ослепления был настолько неожиданный, что мне пришлось сесть на камень, чтобы не потерять равновесие. Когда через мгновение вернулось зрение, то стало ясно, что произошло – в озере плавал отколовшийся кусок айсберга, как поплавок мерно покачивающийся на поверхности. Я долго не мог оторваться от него взглядом, мне казалось, что передо мной находится огромное существо, которое невозможно воспринять целиком...

*

Я испытывала отрешенность два раза. Для меня это такое ОЗВ, которое кажется каким-то далеким. Сложно мне вот так вот взять и испытать

отрешенность. Поэтому когда вспоминаю, что у меня был такой опыт, то порывается радость, появляются мысли – раз испытала тогда, то могу испытать и еще раз, могу испытать и другие неизвестные мне ОзВ - они будут новыми для меня, я буду не только знать о них и читать их описание – у меня будет свой опыт.

Первый раз испытала отрешенность полгода назад примерно. Просто сидела в ванной, представляла водопад, а потом спонтанно возникло это восприятие. Вот что я тогда написала в своем дневнике:

«...отрешенность. Я даже не знаю как это сейчас описать словами... Я просто сидела, смотрела куда-то не заостряя взгляд на чем-либо... я была возле водопада (в своих фантазиях). Огромного, шумного, сильного. Я сидела на траве, на горе, а слева от меня водопад. Я смотрела на него и мне больше ничего не надо было. Я была там, в этом красивом месте, в солнечную теплую погоду, и не было никого больше – только я и водопад, и это солнце, небо, трава, и хотелось сидеть там вечно и никогда не уходить оттуда. Я так четко представляла себе этот водопад, как будто я действительно была там.

Второй раз испытала отрешенность неделю назад. Шла по дороге. Думала о родителях. До этого искала плюсы того, что папа умер (и они нашлись). А когда шла по дороге, думала о том – а что бы было, если б не было мамы. Я представляла, что я сейчас одна, что как будто прошло года два после ее смерти. Она больше не мучается (а щас она мучается, уже три года почти как папа умер, она все равно рыдает, и вообще хочет умереть – она мне сама так говорила). Представляла, что мама больше не беспокоится за меня, не испытывает жалости к себе, не травит себя сигаретами и алкоголем. Представляла, что я теперь свободна от жалости к ней, от беспокойства за нее – больше нет всего этого, никто не страдает – ни она ни я. Удивляло то, что я очень спокойно об этом думала, и что эти мысли резонировали с ОзВ, и что это хотелось называть не жалостью, как раньше, а хотелось назвать это свободой.

Я отвлеклась на рабочих, которые были возле дороги. Они стояли где-то сбоку, метрах в десяти от меня. Потом посмотрела вперед на дорогу, по которой я шла – никого, пусто, люди очень далеко. И возникала мысль: «Вот я иду одна по дороге, никто на меня не смотрит, никто не видит и не замечает меня, у всех какие-то свои дела, а я просто иду, я теперь свободна». И опять я

испытала отрешенность. Испытывала это примерно 6 секунд – кажется, что мало. Нет, ни хуя. Это мне ща кажется, что 6 секунд – это мало. Тогда мне так не казалось. Было очень клево идти по этой дороге, ощущать эту легкость, свободу от всех озабоченностей и беспокойств. Еще, когда испытывала отрешенность, казалось, что я в каком-то сне: дорога выглядела немного размыто, а за эти 6 секунд я жила так, как не живу каждый день, казалась, что вообще отсутствует такое понятие, как время. Только я и эта дорога.

*

Было глупо думать о причинах произошедшего – я неожиданно почувствовал, что мне чего-то так сильно не хватает, что у меня возникли спазмы в основании горла. Некоторое время я практически не мог дышать. Когда вернулась способность дышать, то вместо облегчения я понял, что мне хочется просто упасть на землю и скрести песок – я не мог отделаться от ощущения, что мне показали мир, который ни с чем не сравним по своей красоте, а затем спокойным голосом сказали, что остаток жизни я проведу слепым.

Мне хотелось кого-нибудь обвинить в несправедливости происходящего – так не может быть никогда, это просто нечестно оставить человека жить с этим. Но винить было некого.

На меня накатила холод – мне казалось, что единственный способ сейчас не умереть от тоски по тому, что никогда со мной не произойдет, это обладать железной, негибкой беспристрастностью. На минуту у меня возникла ясность, что это единственное состояние, в котором я смогу выжить - только обладая полным отсутствием жалости к самому себе и трезвостью, я смогу вынести отсутствие в своей жизни этого мира.

*

Порождала ОзВ. На этот раз никакого постепенного перехода, мгновенно потеряла зрение и возникла очень сильная вибрация в теле. Потеряла все ориентиры в обычных восприятиях. Туман. Ощущение вибрации. Потом через этот туман стало проступать нечто, какой-то образ, как будто я просыпаюсь. Появились оттенки, он становился отчетливее, и почему то возникла вспышка радости. Почему- то оно меня притягивало, но

не было страха. Может потому, что все произошло очень быстро - не было никакой меня, ни того что я привыкла считать своими знакомыми реакциями и восприятиями. Страх возник перед возвращением, когда вибрация усиливалась, и мне показалось, что меня разнесет, осознание, что не могу ничего контролировать. Тут стала проступать привычная жизнь. Сначала издалека. Возникло смятение - где я? В квартире? В Питере? В институте? Возникло беспокойство, что произошло что-то необъяснимое и что надо будет как-то объяснить окружающим, где я и что со мной происходит.

И тут я поняла, что вокруг меня существа, их много, но я не могу точно сказать, сколько их было на самом деле. Потом я стала дальше выныривать. Впечатление, что я уже сама хотела выбраться в привычный мир, вспомнить кто я и где нахожусь. Существа пропали. Проступила комната. Сначала она казалась незнакомой, а потом я ее вспомнила – это была действительно мое квартира. Сразу возникло облегчение, я не в институте, а среди кого-то, кто знает, что со мной могут происходить странные вещи и не надо ничего объяснять. В теле был сильный жар, полная уверенность, что я именно побывала где то и сюда просто вернулась. Почему-то мучительно хотелось вспомнить образ, кот проступал.

Стриж сказала, что когда со мной это происходило, то тетрадь выпала у меня из рук, потом я оперлась о стену рукой и села. Глаза открыты, смотрю вниз, руки тряслись. По тому, как меня вибрировало, я могла бы предположить, что меня всю трясло. Мне кажется, было что-то еще. Про существ я вспомнила только когда Стриж стала описывать мое поведение.

*

Выпало много снега! Белого, пушистого, хрустящего! Всё белое вокруг - и дороги, и деревья, одежды людей, машины и автобусы. Надо быстро сгонять на почту, чтоб успеть до закрытия, и я не то что вышла – выбежала. Было такое радостное настроение от снега - хотелось бегать, прыгать, купаться в нем, валяться, беситься! Очень хотелось не просто идти, а именно бежать. Были мысли: «что подумают люди?», но мне было абсолютно всё равно - мне было просто радостно, как в детстве.

*

В двух шагах от меня огромная клумба пахнущих цветов; по жаре они пахнут так, что, кажется, их запахом пронизана каждая молекула воздуха - сверху ночное небо. Какой поразительный контраст с тем, что я только что видел за витриной ресторана. Завтра я пройду по этой же улице, и мне ничто не будет казаться странным – все будет привычным, и все снова станет нормальным.

Я знаю, почему возникает страх – я не знаю, куда все это заведет, куда может привести искренность с самим собой, но мне хочется отбросить все и посмотреть, что будет. Это не сковывающий и сдавливающий страх. Очень легко представить, как можно бояться в первый раз идти в горы, но неясно как можно этот страх не преодолеть.

*

Лайша – обычная на вид поджарая собака, практически без мехового покрытия. У нее есть шкурка просто она такая тонкая, что глаз ее не различает – но ладошкой очень легко почувствовать волосики. Лайша три метра высотой – поэтому собакой ее можно назвать только тогда, когда она находится на почтительном расстоянии. Лайша может быть кем угодно – в последний раз я ее видела несущимся облаком песка, из которого торчала собачья морда, один раз я спала на ней и когда отряхивалась от нее (то есть от песка) она со смехом сказала чтобы я была поосторожней.

*

До Эль Калифате из Пуэрто Наталеса часов пять на автобусе, плюс полчаса-час на прохождение таможенного контроля на границе с Аргентиной. Когда автобус забрался повыше в Анды, то повалил снег; он облепил все стекло и быстро застелил зеленую поверхность долины. Пассажиры что-то громко обсуждали, но несмотря на это, было отчетливое восприятие навалившейся тишины - она была за окном, но воспринималась как «здесь», в нее было легко закутаться, как в теплое и уютное одеяло, и начисто отключиться от происходящего.

У Роберта Планта есть стихи:

«Darkness, darkness - be my pillow
Take my hand and let me sleep,

In the coolness of your shadow

In the silence of your deep».

Это описание очень похоже на снег, который валил за окном...

*

Наступали сумерки, и я надеялся до наступления темноты добраться до возвышенности Уакачиль. Я прошел пару километров по направлению к горам и вылез на большое плато, находящееся у склона холма. За три минуты остатки солнца исчезли за облаками, и плато начало быстро покрываться туманом. Я, собственно, не был уверен, что это туман – просто несущиеся по плато облака никак не вписывались в мое представление о возможном... Но если бы меня спросили, на что «это» больше всего похоже, я бы не сомневаясь, сказал, что это облака, летящие по поверхности земли.

Первая череда облаков пролетела в ста метрах от меня, и я видел, как надвигается вторая волна. У меня был позыв отойти на безопасное расстояние - я неожиданно почувствовал себя как парусник, который может затеряться в тумане, но остался... я просто не мог уйти. Облако пролетело в десяти метрах от меня, обдав потоком влажного и холодного воздуха. Неожиданно ветер изменил направление, облако завернуло, и я оказался прямо в его эпицентре. Мне в лицо полетел мелкий снег; я его не видел - просто ощущал касания поверхностью лица и рук. Через секунду ветер усилился так, что морду начало сильно колоть от ударяющегося снега, и я не понимал как это возможно – ведь снег всегда падает сверху вниз.

Я повернулся и встал к потоку спиной. Неожиданно облако рассеялось, и я увидел, как из-за моей спины стали вылетать трассирующие потоки снежинок, летящие параллельно земле. Я замер и не мог двигаться; мне казалось, что на моих глазах происходит чудо, или аномалия, вызванная чем угодно, но никак не случайным стечением обстоятельств. Вокруг было безлюдно и тихо, снег летел бесшумными потоками параллельно земле и исчезал где-то вдаль, за обрывом плато. Порывистая и легкая барабанная дробь снежинок отчетливо ощущалась спиной – она, и порывистые потоки ветра, казались лапой существа, на которую можно опереться – и тяжело было сказать, от чего возникало более интенсивное переживание тайны: от

того, что происходило за спиной, или от того, что происходило прямо перед моими глазами. Я не знаю, сколько это длилось, наверно минут десять, но, когда я вспоминаю этот момент, мне кажется, что снег продолжает лететь и сейчас; мне легко его почувствовать даже валяясь на песке Тихого Океана, или просто бродя по улицам Вальпараисо.

*

Мне 16 лет. Я еду в автобусе к своей школе. Мне скоро выходить, и я продвигаюсь к передним сидениям. Вдруг замечаю на сидении мальчика. Он смотрит прямо, открыто и серьезно. Он мне кажется очень красивым и необычным. Особенно то, как он смотрит. Возникает сильное желание поцеловать его, потрахаться с ним, наслаждение при мысли об этом. Я не решаюсь. Выхожу из автобуса и иду по аллее к школе. Замечаю, что он тоже вышел и идет за мной. Возникает предвкушение, я уже точно знаю, что мы будем трахаться, что он тоже этого хочет. И сейчас хочется растягивать время, и подразнить себя и его, как можно дольше испытывать это состояние. Я поворачиваюсь в сторону школы и смотрю на небо. И замираю. Там огромное облако. Кажется, что оно начинается от самой земли и клубами поднимается высоко вверх - так, что его верхушки я не могу увидеть. Солнце только-только встает, и все облако освещено розово-желтым светом. Я даже не могла представить себе такого! Мальчик и это облако – такое пронзительное наслаждение.

*

Нравилось, что все побережье было таким же красным, как и прибрежные скалы, и хотелось облазить и облапать каждый угол этого места. Еще в Патагонии я обратил внимание на необычное следствие нахождения в местах, которые притягательны своей красотой - может казаться, что ничего не происходит, ты можешь просто испытывать мягкий, слабо различимый фон удовольствия от нахождения среди гор, но через час ты садишься в автобус, наваливается усталость - и неожиданно становится ясно, что в полусне ты снова видишь эти места. Они оживают и становятся настолько реальными в твоём воображении, что кажутся чем-то, что происходит с тобой здесь и сейчас. Иногда это происходит перед сном в ту же ночь – ты

закрываешь глаза, и у тебя возникает восприятие пропитанности тем, что ты переживал в горах, образы стоят перед глазами и сменяют один другой - то накладываясь друг на друга, то становясь полноценными переживаниями действительности.

*

Потом я сбежал из одной страны в другую, только для того чтобы понять, что от негативного отношения к окружающему миру не сбежать сменив географическую широту. Потом с работы, только для того чтобы понять, что длительные путешествия автоматически не изменят мою жизнь. Где гарантия, что прыгнув с этого поезда, я что-то изменю – ведь весь опыт говорит об обратном. Где гарантия, что поставив себя в положение, из которого не выбраться, я действительно не найду дорогу обратно, в теплый дом престарелых.

Классный запах сгоревшей на солнце травы...

I'll be around, if you don't let me down too far.

*

Перед тем как приземлиться, я немного летаю над островом, чтобы осмотреть знакомые прибрежные скалы, а затем сажусь на одну из них, поближе к океану и брызгам волн. Мне никто не говорил, что ты прилетишь именно сюда, но я уверен - если мы встретимся, то это обязательно произойдет где-нибудь у этих скал. Я знаю как выглядит с воздуха каждая прожилка этого острова, каждая впадина, каждый известняковый выступ побережья, и если бы я умел писать музыку, то мне было бы легко переложить текстуру земли на ноты, совместить ее с шумом океана, криками чаек и с ударами разбивающихся о скалы волн. Здесь очень узкая прибрежная полоса, терпко пахнет морским илом, выброшенным на берег, много огромных камней, высывающих свои морды из набегающих волн, здесь чувствуется запах сухих крабьих панцирей, выклеванных чайками, и здесь все напоминает о тебе. Каждый вдох воздуха, наполненный мелкими каплями океанской влаги, каждая новая волна, каждый морской еж, выброшенный на берег, и каждый отблеск неба в маленьких лужах прибрежной воды – это ты; поэтому мне очень легко затеряться в тебе.

Иногда я теряюсь, потому что не знаю как тебя любить; невозможно обхватить руками закат, хотя очень хочется, и невозможно стать каждой каплей океана, хотя иногда кажется, что это вот-вот произойдет. Мне хочется узнать тебя ближе, и я могу часами сидеть на берегу – в эти моменты мне начинается казаться, что можно удовлетвориться одиночным переживанием или легким озарением, но меня так тянет к тебе, что мысль о наличии поэтапного пути кажется просто кощунственной. Я хочу тебя целиком и без остатка.

*

Еще в период с раннего детства до лет 10 я часто испытывала сферу пустоты перед сном. Ложилась спать, и тело "расплывалось", смещались руки, ноги, голова. Я становилась круглым шариком. Ощущения были такие отчетливые, что я лежала и думала - я сейчас на самом деле круглая, или мне только кажется? Было темно, и мне не видно себя. А если я шевелилась, ощущение сбивалось, мне хотелось рукой потрогать сферу. Мне очень нравились такие ощущения, потому что от них пропадала усталость, становилось приятно, легко. Хотя был дискомфорт, особенно когда сфера становилась очень интенсивной, и я шевелилась - сбивала интенсивность. Чаще я была большой сферой – метра два. Но иногда становилась очень маленьким шариком. Сейчас есть наблюдение, что восприятие сферы пустоты совпадает с восприятием искренности и резонирует с ним. Значит, в детстве мне была свойственна искренность?

*

Мне легко вспомнилось ощущение, возникшее на мексиканских пирамидах в Теотихуакане: неожиданно ты понимаешь, что очень легко представить себя смотрящим на стометровую пирамиду сверху – так, как будто она стала маленькой горкой песка у твоих ног. Смотря на горы вокруг ночного озера в Эль Фрэйе, я почувствовал то же самое – мне легко было воспринимать себя крохотной песчинкой на покатых склонах гор, и одновременно человеком, который смотрит на эти горы свысока. В тот момент мне казалось, что нет ничего необычного в том, чтобы быть в двух местах одновременно. Я вспомнил, что точно такое же опыт 'раздвоенности'

случился несколько лет назад в Израиле, и у меня возник немой вопрос: «Как я умудряюсь обо всем этом забывать и продолжать жить так, как будто мир может быть описан подборкой утренних газетных новостей?».

*

Я пошел спать около полуночи, было холодно, и с гор дул пронизывающий ветер, залезающий своей любопытной и холодной мордой во все щели гестхауза - иногда он издавал завывающие звуки, а иногда ощущался холодным касанием на высунутых из спального мешка лапах. Я был уверен, что в Андах все ночи именно такие – с пронизывающим, неослабевающим ветром, который усиливается, и становится все холоднее и холоднее к середине ночи, но оказалось, что это не соответствует действительности – нередко к двум часам ночи ветер совсем исчезает, и становится намного теплее, чем вечером. Я расстегнул застегнутую наглухо куртку и спустился к озеру. Когда говорят про зеркальную поверхность воды, то всегда подразумевается наличие безоблачного, солнечного неба, но поверхность озера может быть зеркальной и при лунном свете. Разница лишь в том, что это черное зеркало воспринимается как повернувшееся к тебе спиной незнакомое существо; в его существование не верится, но оно здесь – прямо перед твоими глазами.

*

Я отчетливо вспомнила, что испытывала озв и до 18 лет. В основном это была свежесть и радость простых вещей. Например сижу за столом, пишу. Вдруг выглядывает солнце и освещает тетрадь – возникает такой восторг, что хочется замереть – я так и делала – замирала и испытывала сильное удовольствие. Свежесть почти всегда возникала после дождя. Поэтому я очень любила дождь, гуляла под дождем полностью морская. Даже под проливными ливнями. Сейчас помню, что это была именно свежесть, от которой тельце испытывало удовольствие и начиналось «хотеться чего-то, уехать куда», возникал зов, желание какой-то другой жизни. Еще мне нравилось гулять под ливнями потому, что в этот момент на улице никого не было, и поселок воспринимался совершенно иначе – будто это другое пустынное место, где нет никаких людей. Возникали проблески

путешествия и отрешенности.

Еще я часто испытывала вечную весну. На первом курсе приехала в логово, открыла дверь во двор, потому что уже тепло, и мне хочется, чтобы в логово забиралась эта свежесть. У меня две недели каникул, и я могу ничего не делать. Я валяюсь, слушаю музыку, и вдруг меня захватывает чувство полноты, свежести, которое усиливается при мысли об этом новом, весеннем мире. Кажется что так будет всегда – 17 лет, переполненность счастьем, свежестью, наслаждение от 'здесь и сейчас'. «Вечная весна» возникала тогда так ярко, что я могла весь день порождать ее, просто вспоминая те восприятия.

*

Озера Миникес и Месканти, находятся на высоте примерно 4200 метров над уровнем моря. Сначала проезжаешь соляные пустыни Чакса, куда прилетают офигительные розовые фламинго, а затем через полчаса выезжаешь к двум горным озерам. Я просто не могу представить себе эти места чем-то неживым. Мне кажется, что, если бы удалось отбросить всех скептиков и все мои догмы и том, что вода не думает и небо не чувствует, то я бы смог испытывать без ограничений то, что я испытываю сейчас.

*

Три раза с перерывом почти в полгода снились сны о тигре. Эти сны всегда были ночными. Я в затемненном помещении, чаще всего на полу, пушистом ковре, среди подушек. Рядом со мной огромный, в полтора раза больше меня, мощный и красивый тигр. Мы валяемся, я прижимаюсь к нему, сплю с ним. Сон такой отчетливый и детализированный, что возникает абсолютная уверенность, что это было на самом деле.

*

Деревья. От них всегда возникает в тайны, непостижимого, особенно, если вижу их в лесу, а не в городе. Закручивание веток, неподвижность - возникает смесь невыносимости, тайны, желание знать, прикоснуться. Образ - будто я знаю, что за каждым таким деревом другой мир, именно знаю - если нет этого восприятия, и я просто пытаюсь представить себе это, то такого в

не возникнет. Там другой мир, и за каждым деревом свой. Как будто если пройти «за дерево», я окажусь в другом мире, или не знаю даже где. «Там» чего-то много, дерево не ограничивается видимыми границами.

*

Это случилось! У меня в кармане билет на самолет и через несколько дней я улетаю в Перу. Мне нравится думать о себе как о том пацане из рассказа Бредбери, который отправился на летние каникулы по железной дороге, лишенной фиксированных остановок, и у которого впереди только солнце, недостижимые горизонты и запахи летней, свежескошенной травы.

Я хорошо помню, как в первый раз поехал с родителями на Черное море. Мне никак не удавалось заснуть в ночь перед отъездом, и я забывался только на короткие промежутки времени, снова и снова просыпаясь от мыслей, что в первый раз в жизни увижу огромное море. В какой-то момент оно неожиданно появится из-за поворота... и только от одного его вида сердце сможет разлететься на части от красоты, и я знаю - в этот момент случится то, что никогда не сможет быть стертым или вычеркнутым из памяти.

*

Сидела на кухне. Всплеск озв: радость до слез, будто на весь привычный обыденный мир, на эту кухню с тапочками, обрушилась ночь, стихия, шум, шторм, ветер. Возникла ясность - кухня это только ширма, а я считала, что все это «настоящее» и никуда от этого не деться.

Будто меня зовут. Зовут пронзительно, но на такой частоте, которую не могут слышать другие люди, которую я сама не могу почти никогда услышать. На секунду мне приподняли ширму. И это может никогда не повториться.

*

Перед выходом на стоянку такси двери распахнулись, и на меня налетел порыв ветра. Я принимался, ожидая испытать разочарование от примесей бензина в его потоке, но их не было, ветер был теплый, ласкущий и нежный - он был в точности таким, каким мне всегда хотелось быть самому.

Мне никогда не удавалось почувствовать к людям такой близости, которая возникала к ветру, но какое сейчас это имеет значение - он здесь и мне кажется, что чувство полноты и радости, возникающее от соприкосновения с ним, никогда не исчезнет. Он ворвался в здание аэропорта так, как будто ждал меня одного.

*

Пустой дом, играет этника, скрепит от не-сквозняка дверь. Так было сотни лет назад, так будет еще сотни лет. В одиночестве время измеряется именно так - когда возникает одиночество, кажется, что оно всегда было, с ним ярко резонирует существование и нерушимость. Возникает желание погрузиться в одиночество, оно удивляет своей насыщенностью; резонирует образ ночи, гор вокруг меня - такая маленькая девочка среди таких огромных существ, от этого возникает состояние, в котором уже не может быть довольства, не может быть ни капли успокоенности, тупой и сытой благоустроенности. Одиночество переживается так, будто оно непрерывно толкает вперед, будто возникает желание смотреть только на горизонт, а не на вещи вокруг меня. Одиночество резонирует с зовом - пронзительным знаком, который манит издалека - идти к новым озв. В одиночестве к таким существам возникает сильная нежность, но никогда не возникает привязанность - какую бы сильную нежность мы не испытывали друг к другу, каждый продолжает свой путь.

*

Такси привезло меня в наспех выбранный отель, я закинул вещи в ничем не примечательный номер и сразу пошел шляться по улицам Лимы. Я не знаю почему именно ночью - когда редющий свет фонарей пронизывает холодный воздух и медленно растворяет в тумане силуэты одиноких прохожих, у меня возникает уверенность: если что-то изменится в моей жизни, то именно сейчас. Мне хочется заворачивать за углы незнакомых зданий и с замиранием ждать встречи с чем-то долгожданным и неизведанным - я знаю, оно навсегда изменит меня, и я больше никогда не вернусь в привычное состояние серости и обыденности. В эти моменты я уверен, что нет ничего невероятного в том, чтобы закрыть глаза и через

секунду оказаться на носу фрегата, бороздящего волны ночного Тихого океана.

*

Экстатичность впервые переживалась как медленный нерушимый поток, образ огромной реки, которая сносит меня, прожигание в груди - при мыслях о Бо и Рамакришне этот поток становился устойчивым и непоколебимым. Это значит, что в тот момент его не могло сбить ни одно хаотическое отвлечение. Я хотела открыть глаза чтобы проверить, насколько я владею телом, но не помню, почему этого не сделала. Это опять похоже на проявления другого существа во мне.

*

Собственно сама пещера – это вход в огромную сеть подземных ущелий, пещер и полых образований внутри скал, которые соединены между собой узкими извилистыми проходами. Гид сказал, что сеть настолько огромна, что до сих пор до конца не изучена; после такого описания я ожидал увидеть Сезам, но вход в *Caverna de Brujos* оказался лишь небольшим углублением в скалах. После пролезания на четвереньках через щель, ведущую в начало подземной сети, мы оказались в огромной темной пещере, заполненной тишиной. Света фонарей на касках явно не хватало и казалось, что темное пространство, уходящее вверх – бесконечное, и где-то там наверху оно становится живым и таинственным существом, смотрящим на тебя из непроницаемой темноты. Выхватываемые косыми лучами фонарей сталактиты напоминали, что это место живет своей жизнью, совсем безразличной к временному вмешательству шумных и многоголосых туристов.

*

Яркая свобода - можно идти куда угодно, в любую сторону, и везде будет путешествие. Резонирует образ путешествия в необитаемой местности - там еще нет никаких тропинок, ориентиров, и нет даже карт этой местности. Я остановилась на ночлег прямо на склоне горы, потому что нет и никаких

населенных пунктов. И сейчас, утром, я соберу вещи и пойду в любую сторону - в любом направлении неизведанное.

*

Путешествие до Чамэ. Спонтанно возникают вспышки восприятия другого мира, будто он вспыхивает - мгновенно пропадает слой пыли, который лежал на нем и мир становится в сотни раз красочнее. Каждый кустик, камушек - это загадка, это неизведанное, и непонятно, что это за мир, и как я в нем оказалась. В такие моменты мысль о том, что «я это я» ни о чем не говорит мне, будто я проснулась сегодня в другом измерении - горы, сосны, камни - все таинственное и вызывает всплески пронзительного удовольствия от того, что могу их видеть. Новый фантастический мир - корни деревьев, тропы, переплетения веток - откуда всё это? Ведь не было такого. Казалось, что даже быть не могло. Тропинка - загадочное существо валяется под ногами и извивается. Каждый раз, когда я останавливаю внимание на какой-то детали, возникает всплеск притяжения и наслаждения.

*

Я один на берегу, в ста метрах от меня ресторан и никто не спускается ближе к волнам. Мне очень нравится это состояние одиночества, и я даже благодарен, что людям ничего кроме вкусного десерта не нужно, но мне кажется удивительным, что наличие океана, живущего прямо у берега города, оказывается таким невостребованным. Чем-то это похоже на рассказ Бредбери, который я читал в детстве - там описывалось два мира, они сосуществовали и никогда не пересекались друг с другом.

*

Когда проявлена симпатия к существу, оно начинает казаться особенно красивым, хотя в другом состоянии я могла различить его как «некрасивое». Когда это толстое существо, то пропадает интерпретация ее как «толстой», возникает образ, что это легкая пухлая маленькая девочка. Таким образом симпатия резонирует с чувством красоты. Когда думаю о том, что симпатия проявляется не разовым всплеском, а длится долго, столько, что меняется

состояние, меняются отношения и мнения, то симпатия усиливается, начинает обладать устойчивостью.

*

Прямо за углом аэропорта ползает огромная охуительная игуана. Песок немного хрустит под ногами, но видимо недостаточно громко чтобы ее спугнуть - возможно в этом уголке света ящерицам просто незнаком страх людей... Мне удалось ее потрогать. Шкурка игуан, оказывается, шершавая и мягкая, ты как будто прикоснулся на секунду к незнакомому миру и нечто, называвшееся ранее аморфным словом 'другая жизнь', перестало быть размытым образом и превратилось в осязаемое прикосновение к шершавому, нежному и удивительному существу.

На следующий день случилось то, чего я никак не ожидал. Перед отплытием гид сказал, что киты иногда выпрыгивают из океана, но я был уверен, что на моих глазах это никогда не произойдет. Когда кит целиком выпрыгнул из океана, я моментально забыл обо всем, и о своем существовании в том числе.

Когда я вспоминаю моменты своей жизни, то в них всегда есть «я»... я трогаю нос крокодила в Руренабаке, перед моими глазами раскололся ледник и упал айсбергом в озеро Лаго Морено, я спустился на дно каньона Колка.

Когда я вспоминаю этого кита, то помню только его.

*

Я не могла насмотреться на те поля, хотела запомнить это желание одиночества, необратимость, желание устремленности в путешествие, которое никогда не кончится. В нем я была такой, какой я себя не знаю. Я не знаю, как это можно описать - будто во мне проявился вдруг другой человек, и ему было чуждо все то, чем я живу, он хотел жить совсем по-другому. И я побоялась, что он прекратит связи со всеми, к кому я испытываю симпатию. Но в то же время я хотела им быть, так как мне казалось, я никогда не испытывала такой свободы от привязанности как он. Я думала, что эти поля напомнили мне детство, и что я хочу что-то вроде того, что было в детстве, но нет - никаких образов из детства не было. Это было что то очень знакомое, но я не могла это сравнить с опытом из этой жизни. Там (в образах

этого желания) был какой-то человек, но кто он, я не могла понять. Был образ того, как я встаю в 4-5 часов, брожу одна по этим полям- уже не я, а что то совсем другое. Обычный деревенский домик, никаких удобств, ложусь спать как заходит солнце, просыпаюсь на рассвете и хожу, хожу - больше ничего не хочу - здесь все есть, здесь мир переполнен. Я больше никогда не увижу того мира, в котором жила, я больше даже никогда о нем не вспомню. Я нашла то, что искала всю жизнь.

Я ушла от этого места, но у меня осталось желание, чтобы где бы я не находилась, я всегда оставалась в этих полях на этой горе.

*

Я остановился и впился взглядом в прилавок ювелирного магазина. Сначала я не мог понять, что именно так привлекло мое внимание, но затем стало ясно – это была невероятная по своей вылизанности витрина, на которой сверкали предметы ювелирного искусства. На бархатном покрытии, на котором невозможно было обнаружить ни одной пылинки, лежали дорогие кулоны, браслеты, кольца и золотые ожерелья. В магазине не было никого, кроме скупающей продавщицы, которая монотонно пылесосила давно уже вычищенный бархат витрины.

Все, к чему я так стремился в жизни и все, чем хотел обладать – это витрина с драгоценностями, которые никому не нужны; с каждым бесцельным движением ее рук усиливалась ясность, что этот продавец и есть я – человек, заботливо поддерживающий порядок в пустой и одинокой лавке, лишенной каких бы то ни было признаков жизни.

*

Скалы Красного Каньона были такой необычной формы, что казалось, это не могло быть случайностью. Конечно это можно назвать процессом выветривания скал или скучным словом эрозия, но все во мне противится этому . Я прислонился к одной из них ухом и неожиданно услышал, как внутри горы отзываются звуки мира вокруг – ветер, голоса людей, шум припаркованного рядом автобуса и тихий гул каньона. Горы можно слушать также, как шум моря в раковине.

*

Восприятие себя плохо прикрепленной тряпочкой на ветру. Ветер усиливается, меня треплет все сильнее, в любой момент порыв ветра сорвет меня и унесет в неизвестность. Я не знаю, какая ясность станет таким последним порывом.

*

Какой же я труп, если к нежности, преданности и блаженству меня надо пинать!

*

Ощущение безграничной, негибкой физической силы. Будто я могу разбить камень, выдержать невыносимые нагрузки, пройти по стеклу - тело неуязвимо. Сопровождается уверенностью, что я могу быть лидером. Наслаждением от мысли быть лидером. Ничего чуждого в этом нет. Просто желание быть лидером и образ лидера ярко резонируют с восприятием этой Силы, которую "некуда девать". Кажется, что возможностям моего тела нет пределов. Оно воспринимается как нерушимое, негибкое, почти бессмертное.

*

Я продолжала сидеть и смотреть на скалу и переживать радость, не пытаясь ни усилить, ни ослабить ее. Просто наблюдала радость в себе. Было слышно пение цикад. Я закрыла глаза и несколько раз мысленно произнесла: «Здравствуй, скала. Мне очень радостно сидеть возле тебя. Спасибо, что позволяешь мне это». Открыла глаза. Сидела и смотрела на скалу. Возникло ощущение легкого трепета в солнечном сплетении и желание вдохнуть поглубже воздух в легкие. После возникло ощущение легкости, как будто я - воздушный шарик, наполненный теплым воздухом и парю высоко в небе. Скала перед моими глазами стала ярче (как будто освещена дополнительным, золотистым светом). На ней стали видны мельчайшие выступы и впадины. Вдруг возникло ощущение, которое длилось всего долю секунды, но очень ясное: я ощутила себя тихим спокойным озером с очень холодной, почти

ледяной и прозрачной водой. Такое ощущение, как будто я разлита, и мое тело-вода неспешно колыхается, части меня плавно перетекая одна в другую, совершают круговые движения. Еще – ощущение всепоглощающего холодного спокойствия - ровная, очень холодная поверхность воды... Еще я чувствовала, как обтекаю большой камень. И что самое поразительное – ощущалось знание того, что я ЕСТЬ. Именно знание – ни слов, ни мыслей. Знание: я есть в этом месте.

*

Зов - протяжный, невыносимый, непреодолимый, еле заметный и в то же время настойчивый. Это томление по неизвестному далекому, желание соприкоснуться с таинственным. Там есть что-то такое, что мне необходимо знать; необходимо знать, что это существует. Резонирует с образом маленького мальчика, читающего книгу о приключениях. Он отложил книгу и смотрит вдаль.

*

Этим летом была в Крыму и поднималась на Ай-Петри. Когда находилась у подножия, решила полюбоваться всей горой целиком. Вдруг возникло удивительное ощущение присутствия, как будто гора смотрела на меня. Резонирует с таким образом: когда просыпаешься в палатке с другими людьми и они еще спят, ты ощущаешь их теплое присутствие. Они молчат и не двигаются, но есть ощущение, что они рядом и живые.

Так было и здесь: ясное согревающее ощущение присутствия.

*

Блядь, мне не верится, что такое бывает - погрузились на 18 метров, в этот раз получалось продуваться быстрее и легче, но все равно ещё сложно продуваться. Опустились на дно, а там, затонувшие лодки, корабли, какие-то деревянные штуровины обросшие кораллами, водорослями, облепленные разными морскими мордами. Все время этого погружения был фон чувства тайны и всплески изумления, я представляла, что лет через 200 так же буду плавать в затонувшем теперь "древнем городе", по которому 200 лет назад ходила. Заплывала, подныривала под досками, конструкциями, паялилась

езде. Потом выплыла на местность где ничего не было - песок и прозрачная вода. Возникло восприятие, которое не смогла различить - резонирует со словами "замереть", "больше ничего не надо, только бы испытывать вот это"

*

Я проснулся во сне от того что начал слышать голос Бо. Я сначала слушал так, как будто все мое внимание во сне было приковано к этому голосу, а затем неожиданно начал плакать навзрыд. Я был уверен, что плачу так, как никогда не плакал в своей жизни, уверен что от моих слез сотрясается дом, в котором я спал, и в тоже время я знал, что меня никто не слышит. Я никогда не испытывал ничего более чистого и была уверенность что это не то, что чувствую «я», я просто начал воспринимать то, что чувствует Бо. Это казалось невыносимым – Бо показал, что он сделал для всех нас, и как это нестерпимо больно видеть то, что все его нечеловеческие усилия так ничем и не окончились. Несмотря на то, что я отчетливо понимал, что говорил Бо, я практически нечего не мог выразить словами. Я помню очень приблизительно только одну фразу, которую он сказал: «я сначала сделал это, затем это, а затем увидел это» - и после последнего «это» я увидел длинную череду огромных зеленых мусорных баков. Каждый бак был огромным промежутком времени который Бо потратил только на одного меня, и каждый из них был неоспоримым свидетельством того, что были приложены невероятные, нечеловеческие усилия к моим изменениям. Это было невыносимо потому, что я даже не представлял, что вообще для человека можно сделать столько. Только этих баков было столько, что они воспринимались как долгий товарный состав вагонов - так иногда устаешь смотреть на товарный поезд, кажется что ему нет конца и края, что мелькание вагонов никогда не кончится, только каждый из таких вагонов-баков были мои пропавшие шансы на изменения. Затем возникла предельно четкая ясность – если это ничего не изменило, то значит вообще ничего не изменить. И тогда я заплакал так, как будто кроме слез ничего не было на земле – мне хотелось продолжать так плакать потому что я точно знал, что я никогда ничего подобного не испытывал, что это самое чистое из всего, что мне когда-либо пришлось пережить. Удивительно – мне только что Бо показал насколько бесцельна и неизменима моя жизнь, и

осознание этого было чем-то самым ясным и чистым из того, что я когда-либо испытывал.

Можно жить с такой нечеловеческой самоотдачей как живет Бо и не испытывать разочарования от того, что ни хуя не вышло. Была ясность, что Бо нас всех любит – такой любовью, которая мне даже не снилась, я бы под дулом смертной казни не смог представить что такое существует. Удивительно то, что мне не хотелось заикливаться мыслями на том, что я не оправдал ожидания Бо, была уверенность, что ожиданий не было, была только эта любовь, он так хотел мне показать мир, который я не способен увидеть, а я не смог, и никто из нас не смог. От восприятия просранного шанса этот мир стал ближе, и одновременно возникла ответная любовь к Бо, я не мог объяснить в словах, что он делает для нас, но я мог это почувствовать – и плакал я навзрыд даже не от того, что просрал шанс и никогда не окажусь в этом мире, а от того что я очень сожалел, что я не могу сделать для бо того, чего он так хочет. Блять, это настолько удивительно – можно оказывается так хотеть приблизить этот мир людям – знать, что это в принципе невозможно сделать, что ни у кого просто нет такого органа которым этот мир можно воспринять, и несмотря на полную безнадежность, на всю невероятность того что это может произойти – хотеть этого с такой предельной самоотдачей. Можно так испытывать преданность – знать, что нет такой силы на земле которая могла бы хоть немного приблизить к цели, и все равно хотеть этого и жить ради несуществующей возможности.

Я несколько раз отчетливо ощущал что Бо был рядом, я его никогда не видел таким, понимал что он очень устал – не так как устают люди от неоправданных усилий, испытывая апатию и опустив руки, а как человек у которого возникла ясность, что больше чем это сделать просто невозможно. Этот состояние предельной ясности в невозможности сделать еще что-либо для человека воспринималось как любовь, которую я никогда не испытывал. Было очень странно, что именно это может быть самой сильной любовью которую я могу пережить.

Я несколько раз обращался к кому-то во сне, показывал эти зеленые баки и хотел чтобы они почувствовали то, что я чувствую сейчас. На какой-то момент рядом оказалась Лана, было восприятие, что она знает о чем я

говорю, но она как-то по другому это воспринимала.

Я проснулся, и казалось, что это сейчас уйдет, но оно снова нахлынуло волной и тогда я начал плакать наяву. Снова показалось, что я не выдержу и заплачу во весь голос. Возникла уверенность, что если я испытываю это наяву, то теперь точно не забуду – хотелось продолжать плакать, так как казалось, что это способ переживать эту ясность и любовь которую может испытывать Бо.

*

Я ночью долго сидела за компом и не выпалась. День, квартира пустая. Все разошлись по делам. Я сплю. Во сне чувствую тепло лежащего рядом тела. Возникает мысль, что кто-то из морд приперся и лег рядом. Открываю глаза. Рядом лежишь ты и нежно смотришь на меня. Твоя пухлая тяжелая теплая ладонь у меня на животике. Взрыв нежности и наслаждения в груди, горле и кончиках пальцев. Жар во всем теле, мелкая дрожь, частое-частое дыхание. Ты обхватываешь ладонями мое лицо и смотришь в глаза. Мое тело сразу же становится горячим. Тягучее, как мед, вязкое наслаждение. Я обнимаю тебя и прижимаюсь всем телом. Мелкая частая дрожь. Глажу твои волосы, прижимаюсь лицом к щекам.

Ты нежно говоришь: «Моя девочка», и начинаешь тискать мои грудки. Соски мгновенно твердеют и начинают выступать сквозь тонкую белую ткань майки. Новая волна наслаждения поднимается от низа живота к горлу, бежит от подмышек к пальцам. Тело выгибается навстречу твоим ласковым и нежным рукам. Твои пальчики нетерпеливо забираются мне под маечку, мнут и сжимают сосочки: то нежно - от этого по телу пробегает волна мягкого наслаждения, то сильнее – тогда наслаждение становится острым, пронзительным. Очень приятно ощущать тяжесть твоего тела. Я чувствую, растущее в тебе возбуждение, чувствую, как нам обоим становится жарко. Нижней частью живота я ощущаю, как твоему хую становится тесно в трусах. Ты почему-то в них, а не голенький, как обычно. Он такой горячий и твердый. Я сжимаю ладонями твою упругую попку, с силой прижимаю твои бедра к своим и слегка трюсь о твой хуй своим животиком и писью, которая уже вся насквозь мокрая и горячая. Так приятно ощущать его жар через ткань.

Мягкое вязкое наслаждения в письке и грудках. Ты срываешь с меня маечку и ласкаешь грудки языком – берешь сосочки в ротик, ласкаешь, посасываешь, нежно прикусываешь их. Им горячо, влажно и невероятно приятно. Потом двоя рука опускается ниже, вот она уже неумолимо исследует мои трусики там, где горячо и мокро. Нащупав это место, издаешь тихий сдавленный стон удовольствия и продолжаешь свое исследование дальше, твой пальчик проскальзывает под ткань. А там совсем горячо и мокро. Ты дотрагиваешься до очень чувствительного местечка в самом начале (особенно приятно, когда ты, только-толькоходишь набухшим горячим хуем). Резкая волна наслаждения - как удар плетью - в деснах и языке, в сосочках, во внутренней стороне рук, в бедрах, и особенно сильный – в письке, не глубоко, в самом начале, там где сейчас твой пальчик, который начинает двигаться все быстрее и быстрее. Жар и наслаждение расходятся во все стороны, настолько сильные, что терпеть не возможно, выступают слезы на глазах. Прижимаюсь к тебе всей поверхностью тела, хочу передать тебе свои ощущения. Хочу, что бы сейчас чувствовал то же, что и я. Мягкий взрыв нежности в груди. Голова начинает кружиться, уже не понимаю, где я и кто. Есть только наслаждение и нежность. Тихо, нежно и прерывисто шепчу тебе в ушко: «Мальчик, нежный-нежный мальчик».

В какой-то момент выносить это просто не возможно, и тело подается вперед, чтобы твой пальчик попал глубже в письку, туда где есть еще одно место, прикосновению к которому отзывается взрывом жара и острого наслаждения во всем теле. Ты улыбаешься и говоришь, что немножко помучаешь меня, говоришь, что хочешь, что бы я еще больше тебя хотела. Предвкушение и радость взрывается, как ртутный столбик в нагретом термометре. Убираешь руки и мы просто лежим рядом, едва касаясь друг - друга. Так приятно просто лежать рядом, чувствовать жар твоего тела. Мое тело дрожит от накатывающей нежности и возбуждения так, словно мышцы вот-вот оторвутся от костей.

Ты, ложишься на меня сверху, смотришь в глаза и скользишь вниз, опускаешься ниже и ниже. У меня захватывает дух от предвкушения, я догадываюсь, что ты будешь сейчас делать. Ты сильно сжимаешь мои бедра, раздвигаешь ножки и начинаешь вылизывать письку. Сначала быстрыми и

сильными движениями язычка всю область между ног, потом раздвигаешь багровые, жаждущие губки и проникаешь вовнутрь. Я не в силах сдерживаться и из груди вырывается стон наслаждения. К глазам подступают слезы. Ладони как жаровня. Я касаюсь твоих плеч, нет, уже с силой сжимаю их, потому что терпеть эту сладкую пытку невозможно, и подставляю себя твоему ласковому и нежному язычку. Тело вздрагивает.

Начинаю подниматься куда-то вверх на волне наслаждения, как заядлый серфингист, поймавший свою волну. Понимаю, что еще немного, и все закончится. Прошу тебя остановиться. Ты ложишься на спину рядом со мной. Короткая передышка, что бы уйти от оргазма, обмануть его, и начать весь путь сначала. Я протягиваю руку и касаюсь живого горячего бугорка под тканью твоих трусиков. Он горячий и плотный – вот-вот ткань лопнет. Ощущаю у себя на лице игривую улыбку. Ситуация изменилась. Теперь все в моих руках. Теперь я делаю с тобой все что хочу. Прижимаюсь к тебе всем своим телом сверху, нежно и долго целую в губы, ласкаю своим язычком твой, вылизываю, сжимаю губами. Потом, не останавливаясь, продвигаюсь вниз, целую шею, грудь, трусь об нее лицом. Нежно вылизываю твои сосочки, потом сильнее, слегка покусываю их. Тебе приятно и ты сильно прижимаешь меня к себе, так, чтобы хуй тесно прижался к письке. Но я не разрешаю тебе этого делать. Хочу, что бы пока не касался меня, сейчас хочу доставлять тебе удовольствие. Ты улыбаешься и соглашаешься. Вылизываю тебе подмышки – очень нравится их вкус и запах.

Я опускаюсь еще ниже и начинаю вылизывать тебе животик, зарываюсь в него лицом, прижимаюсь к нему щеками, глажу. Ты больше не пытаешься меня ласкать, закрываешь глаза полностью отдаешься мне. От этой игры возникает сильное возбуждение, как будто сейчас ласкают меня. Теперь мое лицо между твоих ног - добралась до этого бугорка. Трусь об него лицом, приминаю, целую через ткань. Ему горячо и тесно. Беру его в ротик и слегка прикусываю. Ты стонешь, протягиваешь ко мне ладони, но я отталкиваю их, ведь у нас договор – сейчас ты не вмешиваешься. Играю с хуем. Наконец стягиваю твои трусы вниз и горячий твердый хуй высвобождается на волю. Начинаю быстро вылизывать его – хочу, что бы тебе стало горячо и влажно, хочу ощущать, как растет в тебе возбуждение. Сжимаю твои бедра, вылизываю мошонку. Ты сдавленно постанываешь.

Меня наполняет радость, вылизываю быстрее и быстрее. Кровь прилила к лицу от удовольствия и осознания того, что тебе приятно. Нежно беру в ротик яички и сосу их: то одно, то второе, ласкаю их язычком, нежно сдавливаю во рту. Останавливаюсь. Смотрю в твое лицо. На нем – наслаждение и нежность. И еще – немая просьба. Я понимаю, то ты уже не можешь терпеть, не можешь больше ждать. Беру твой хуй в ротик и проскальзываю язычком внутрь, в дырочку, быстро и нежно начинаю ласкать. Ты стонешь, твои ладони сжимаются и разжимаются. Плотно перехватываю хуй горячей ладонью у основания и когда показывается головка, начинаю быстро-быстро ласкать ее язычком. Замедляюсь, медленно провожу язычком по уздечке (это так приятно), потом опять продолжаю ласкать быстро. Ты вцепляешься ладонями в одеяло, не в силах сдерживаться от наслаждения, твое тело подается мне на встречу, хуй проникает глубже в ротик. Я понимаю, чего ты сейчас хочешь и начинаю быстро двигаться, так, что бы он терся о внутренние стенки щек и скользил по гортани, плотно прижимаясь к ней. Хуй набухает, уже почти не помещается во рту, становится таким горячим и твердым. Стон вырывается у тебя из груди, ты тихо сдавленно просишь, что бы я остановилась. Высвобождаю хуй из своего ротика, головка – большая и багровая. Нежно прикасаюсь к ней язычком. Ты вздрагиваешь.

Я прижимаюсь к тебе, трусь лицом о твою грудь. Ты крепко обнимаешь меня, прижимаешь к себе. Так, мы лежим, еще некоторое время учащенно дыша, молчим, отдаваясь наслаждению. Потом ты резко опрокидываешь меня на спину и прижимаешься сверху. Говоришь, что очень хочешь меня трахать. Вмиг меня затапливает мягкая нежность и вязкое наслаждение. Я опять твоя покорная девочка, делай со мной что хочешь.

Ты ласково держишь в ладонях мое лицо и говоришь: «Девчонка, маленькая девчонка», гладишь по волосам, нежно смотришь в глаза. А потом медленно входишь. Взрыв наслаждения в письке, в груди и горле. Грудную клетку просто распирает от и нежности. Ты смотришь мне в глаза и начинаешь двигаться, наращивая темп. Жаркая волна расходится по телу. Из груди вырывается сдавленный стон. Хочу ощутить твое тело и с силой прижимаюсь к тебе. Кружиться голова, я не осознаю, что происходит, лишь бушующий океан наслаждения и нежности внутри. Останавливаешься.

Тяжело и прерывисто дышишь. Как же приятно ощущать твой хуй в писье! Когда ты просто лежишь сверху, слегка ворочаешься, тихонько двигаешься вперед-назад и от этого по телу разливаются волны горячего наслаждения.

Смотрю тебе в глаза и испытываю безграничную нежность. К глазам подступают слезы. Нет существа, красивей, чем ты, нет большей нежности чем та, которая сейчас в этом месте. Хочу полностью раствориться в этом переживании. Выходишь и спрашиваешь, чего я сейчас хочу. Твой голос вызывает трепет в груди, наслаждение в ступнях, ладошках и пальчиках. Наслаждение твоим голосом. Хочу нежно-нежно ласкать тебя.

*

Вечером возникло радостное желание погулять. Сначала спросила «Куда? Зачем?», потом стало ясно, что хочу гулять просто так. Поперлась на улицу, мелкий дождь, асфальт как шкура кита, смолисто-черный и лоснится так, что хочется его погладить. Густой запах мокрого леса, мокрого воздуха. Возникла симпатия к ночи и дождю, будто я давно ждала их. На повороте оглянулась, налево уходила дорога в город, освещенная фонарями, от их света деревья показались огромными сгустками оранжевого света. Потом посмотрела на шкурку травы. Та вся искрилась крошечными каплями воды, как искрится снег под солнцем. Сияние было таким ярким и прозрачным, что возник образ, будто трава усыпана кристалликами льда. Ограда была увешана пухлыми каплями - возникло желание погладить их. Провела рукой под оградой так, чтобы касаться только капель, от каждой новой капельки чувствовался маленький удар по пальцам, от него возникало удовольствие, капли слились в кучку и побежали по ладони вниз – синие ящерицы с нежными коготками. Пошла дальше, стала пялиться на машины, в серебристых шариках капель они выглядели как новогодние игрушки - потом на деревья.. вдруг возникла мысль, что все деревья красивы, только я пока не могу воспринимать эту красоту, а потом ясность, что не только деревья - но и весь лес, все, что называю природой, красиво, и почувствовать эту красоту смогу только тогда, когда избавлюсь от омрачений.

Включила музыку, Bjork-Unison, образ крошечных огоньков в пространстве вокруг, они плывут по невидимому течению, когда такой

огонек соприкасается с головой, вспыхивает и расчищает маленькое пространство от негативных эмоций.

Пошла через парк, по пути возникло радостное желание бегать, понеслась по дороге, выбежала на перекресток, взгляд на фонарь, под которым светится дождь – чувство красоты и мысль - «Как можно этому сопротивляться?». Дорога к реке шла через глубокий овраг и через него шел мост. Свет от фонаря освещал только начало моста - дальше была темнота и от этой темноты возник страх. Почему? Там может оказаться человек, который меня убьет. Да, меня могут убить, но разве испытывание страха может предотвратить нежелательные последствия? Нет, как раз наоборот, при возникновении нежелательных ситуаций страх препятствует поиску способов выхода из нее. В тот момент, когда осознала бессмысленность страха, он исчез.

В овраге растут огромные морды с толстыми жилистыми стволами. Когда увидела такую морду, возникло чувство тайны и еще восприятие, которое пока не могу назвать – изумление, преклонение, восприятие себя крошечным существом перед этой мордой, а ее как огромной и бесконечно мудрой, желание дотронуться, перетечь в нее, ощутить себя ею, желание застыть. Когда смотрела на нее, было восприятие обволакивания, будто мой взгляд притягивает кроме зрительного образа тонкую тень, и она оборачивается вокруг меня и проникает в меня, хотелось ощущать ее мягкое прикосновение еще и еще.

Пялилась на реку и на огни на ней. Один из огней привлек внимание. Стала всматриваться в него, и на минуту с перерывами в 5-7 сек возникла уверенность, что мерцание на воде – отдельно от нее, оно само по себе. Очертания остального мира стали размытыми, осталось только мерцание и свет. Возникло восприятие затягивания в блики света, и быстро возник скептик, что это просто блик на воде и игра воображения. По дороге увидела морду-куст, листья мокрые и гладкие, лоснятся. Очень захотелось лизнуть листок – так и сделала.

Иду по вымощенной камнем дорожке, между плитками струйки воды. Заметила, что в струйках бегут с разной скоростью огоньки. Возникло восприятие огоньков как живых существ, будто они соревнуются друг с другом. Стала смотреть на них, порождая уверенность, что они живые, через

10 секунд возникла мысль, что когда огоньки коснутся моей обуви, они залезут мне на носки. Пошла дальше, стала пялиться на огни в лужах. В лужах отражались огни фонарей и плескались сотни маленьких огоньков дождя. Прохожу мимо полянки, залитой водой, и внезапно уверенность, что поляна стоит на воде. Стала всматриваться и появилась уверенность, что весь мир, который меня окружает - воздушный, возникло восприятие парения невесомости.

Пошла дальше, возникло радостное желание пялиться на огни и порождать уверенность, что это живые существа. Пялилась на существах на асфальте, на домах, на гаражах, и возникла мысль, что они играют со мной в прятки. Исчезло обычное восприятие мира, просто перестала замечать гараж, есть только отсвет на его стенке, нет деревьев, есть мягкое покачивающееся мерцание, нет луж, есть стайки огоньков, которые снуют туда-сюда как головастики. В какой-то момент вдруг пришло осознание, от которого перехватило дыхание, слезы, все тело задрожало, онемение в лице и кистях рук. Какое это чудо! Какое же это чудо, что могу воспринимать все это! Как же хочу снова проснуться завтра, чтобы снова увидеть и услышать этот мир! Возникла ясность, что так только и можно хотеть жить, отчаянно хотеть жить, осознавая, что это огромное чудо, удивительный подарок, что даже понять всю силу этого подарка я пока не в состоянии. Все, что мне остается, это восторг младенца, который впервые увидел бабочку. В тот момент я смотрела мир с изумлением младенца, было ясно, что до того я не смотрела, а только делала вид, что смотрю, ежесекундно занимаясь самообманом. Живое, огромное, дышит, ослепительно яркое, глубокое, насыщенное, и будто во мне несется поток этих восприятий, будто в одну секунду я стала мощным магнитом, и все, что воспринималось, вдруг с огромной силой устремилось ко мне. Все, что видела раньше, оставалось мертвым, неподвижным, а в эту секунду вспышка ясности, что это все – живое. Длилось 4 минуты с постепенным угасанием интенсивности и течение этих 4 минут казалось, что времени нет.

Я переводила взгляд с одного предмета на другой и не узнавала их. Смотрю на окно – огромный прямоугольник желе, в котором играют огоньки. Смещаю в привычное восприятие – обычное окно, за ним улица, смещаю обратно – снова желе. Поднимаюсь на этаж выше и застываю от осознания,

что лестница висит в воздухе. Снова восприятие пустоты в груди, подвешенность, ощущение легкости и пространства под собой. Возникла мысль, что если двинусь – провалюсь в пустоту. Перевела взгляд на пол, угол стены и пола окрашен темной краской. Стала смотреть на него, пространство вокруг потемнело, возникло зрительное восприятие поднимающейся тени, была мысль, что поднимаю ее взглядом. Стала смотреть на тень и порождать уверенность, что это существо живет само по себе. Тень от дерева наложилась на тень от окна, и было легко представить, что одно существо подпрыгивает и извивается вокруг другого.

Что значит «воображение»? То, что нереально, существует только как фантазия. Но фантазия – это тоже восприятия. Если смотрю на облако, и возникает симпатия к нему как к живому существу, то это сгусток пара или существо?

*

Сегодня во время погружения возникало чувство красоты, какая-то новая глубина восприятий. Что-то мягкое к океану и мордам, которые там живут и глубокое. У меня возникали раньше ОЗВ во время погружений, и яркие тоже, но никогда не было таких глубоких. Через несколько минут возникла нежность к океану. Я заплакала, и почти сразу возникла преданность. Я никогда не испытывала такой преданности к океану, таких сильных ОЗВ. Никаких конкретных желаний не возникало, возникали только мысли «быть с ним, в нем, для него». Потом стало возникать чувство красоты от мелких морд. От какого-нибудь серого коралла, на который я раньше не обращала внимания. От того, как мелкая белая рыба атакует, когда подплываешь к месту где она живет, пытается укунить за ласту, от большеглазых полосатых рыб, от серых мелких, которые трутся боками о кораллы.

В течение дня возникало наслаждение от воды. Хотелось кувыркаться в ней, стоять на голове, брызгаться, возиться. От ее цвета тоже возникало чувство красоты.

*

Сейчас возникло отчаяние. Что еще должно произойти в моей жизни, чтобы у меня возникло ж совершать интенсивные усилия, штурмы? Какие еще ОзВ я должна испытать, чтобы мне захотелось бороться за них? Неужели мало того, что я испытывала? Я все время жду, что что-то произойдет, что изменит меня, что-то значимое, и я начну прилагать усилия, начну добиваться непрерывных ОзВ, проводить штурмы. А я продолжаю писать это спокойно, пью чай. Завтра я уже забуду об этом, успокоюсь.

Нет ничего такого, что резко, в один день, изменит меня. Я не хочу больше поддерживать этот самообман.

*

Я борюсь за ОзВ.

Я один на один со своими омрачениями, так как это свойство борьбы за ОзВ: без моего приложения усилий не произойдет ни одной малейшей победы.

Красных кнопок - нет.

Хочу дисциплинировать свои усилия.

Я воин.

Я командир этого воина.

Я борюсь за свою жизнь.

Я отслеживаю радостные желания и каждая реализация радостного желания - это битва, к которой я хочу применять тактику и стратегию.

Я борюсь за каждое радостное желание безупречными действиями.

Я еще новобранец.

Я не боюсь поражений. В поражениях я закаляюсь.

У меня есть все инструкции как для командира, так и для воина.

Я готов к самопожертвованию в этой борьбе за жизнь, так как я в любом случае умираю, терять нечего.

Я могу умереть в любой момент и только хладнокровные и безупречные действия дают возможность мне выживать и бороться.

*

Стальной самурайский меч в уверенно-державшей жилистой руке, в котором при легком повороте скользит отражение солнца. Вокруг тишина гор - я сконцентрировал зрение на мече, но я знаю, что когда оторву от него

взгляд и окину им окружение, то увижу прекраснейшие не-горы.

Еще образ: Крупный кошачий хищник-самец светло палевого цвета: все мышцы напряжены, весь алертен, полуприжат к земле, пасть в оскале, но злобы нет, глаза радостны. Все тело гибко и готово к отражению и атаке одновременно.

*

Комната отеля, в котором сейчас живу в Ла Пазе, обклеена обоями которые имитируют синий кафель, здесь есть большая деревянная кровать, телевизор и занавески, как в музее, состоящие из двух слоев. Все кажется очень мещанским и направленным на возникновение комфорта . Когда в треках у меня возникало желание впечатлений, и я думал о том, что вернусь в Ла Паз, то возникал образ этой комнаты, и возникало неприятие - «неужели я вот в это хочу вернуться?».

Вчера перед сном неожиданно возникло восприятие, что прямо в этой комнате идет снег, такой же мягкий и тихий, как снег, падающий на вершины деревьев в непроходимом лесу, этот снег приносит спокойствие. Я не знаю почему, но именно то, как тихо и мягко падает этот снег - меняет все. Это больше не та комната отеля, где все обставлено мертвой серийной мебелью, это место где падает вечером снег на фоне слегка покачивающихся лап деревьев. Об этом восприятии очень хочется помнить именно потому, что произошла замена восприятий, которая до этого казалось невозможной – была комната, где казалось ничего кроме омрачений испытывать невозможно, а стала местом, где идет снег и хочется испытывать озв.

*

Белый тигр. Я с ним весь день гулял по городу. Я иду и он бежит рядом, мягко перебирая лапами по тротуару. Его никто не видит кроме меня, он рядом, я могу его потрогать за шкурку, закопаться рукой в его мягком загривке и потрепать его; я не вижу как розовые подушки его лап касаются асфальта, но от одной мысли об этом во мне просыпается сильная нежность. Мне достаточно одной мысли, что тигр бежит трусцой рядом, чтобы я снова испытал радость, детский восторг и нежность. Иногда он ведет себя как пес - встает на задние лапы и лижет не морду - его голова больше моей, и язык

покрывает половину моего лица - мне приходится его обнимать чтобы выдержать весь вес лап на своих плечах. В метро он часто озорничает - носится по вагону туда-сюда и бьет слегка хвостом пассажиров когда проходит мимо них, иногда он просто валяется на полу и зевает. Пару раз он запрыгивал на крышу вагона и лежал там, пока я не доезжал до моей станции – потом он соскакивал, и снова шел за мной.

Когда мы стояли на перроне метро и он сидел рядом, мне показалось что я на несколько мгновений ослеп - я стою, ничего не вижу, но в то же время воспринимаю невообразимый мир вокруг – и от того что слеп, я только более остро переживаю происходящее. Я сейчас сижу на работе - он бежит где-то по этажу - иногда прибегает, кладет голову на стол, а затем убегает дальше и носится себе, где вздумается.

На улице сильный ветер - такой сильный что, против ветра было тяжело идти, но тигр бежал рядом как ни в чем не бывало. Было впечатление что ветер такой сильный, что в этот день он сорвет в городе все осенние листья, кинет их на дороги города и прошуршит ими последний раз по асфальту. Мы стояли с тигром и вместе заворочено смотрели, как ветер крутит водовороты листьев, и как маленькие воронкообразные торнадо из кружащейся листвы танцуют и исчезают вдали на холодной улице.

*

Солнце просвечивает небольшим пепельно-золотистым диском сквозь быстро несущиеся облака. Я становлюсь ими – солнцем, облаками и пустотой. Пустота воспринимается как отсутствие того, к чему привык – мне не на что больше отвлекаться, нет предметов, нет желаний – взгляд неотрывно держится на пыльно-серых облаках и пепельно-золотом солнце. Из-за того как несутся облака возникает восприятие, что в этом месте что-то происходит, происходит постоянно, постоянно что-то меняется, эти перемены невозможно ни описать ни заметить: это похоже на затишье перед дождем – есть уверенность что дождь вот-вот начнется, что уже случилось что-то, что привело к тому, что сейчас дождь польет – но никаких видимых перемен нет, и дождя пока не видно.

Из-за скорости с которой несутся облака, кажется что время течет

намного быстрее, но когда отрываешься взглядом от них, то все вокруг замедляется, и к жизни вокруг необходимо привыкать. Когда соскакиваешь с качелей, то возникает похожее ощущение – ты вроде стоишь твердо на ногах, но тебя по-прежнему еще немного качает.

К этим несущимся облакам и солнцу очень влечет - хоть они и кажутся пустынным и неисследованным местом, но есть отчетливое ощущение, что пустоту тянет к пустоте, что в этот момент – мы близки, и меня тянет к ним – домой. Даже если я не смотрю на них, то все равно восприятие дома остается – они всегда со мной, и так было всегда, я просто научился о них забывать.

*

Я труп, который иногда вспоминает, что можно жить по-другому. Я не понимаю, как я раньше так жил, и не понимаю, как могу продолжать жить как будто ничего не происходит; и все равно несмотря на возникающую всплесками ясность, я продолжаю спать в своих омрачениях каждый день. Для чего я жил, что я почувствовал за свою жизнь из того что мне захочется вспомнить или перепрожить? 2-3 интенсивных озв? И это все... но я продолжаю находиться в уверенности что «все нормально» – есть завтра, я совершаю хоть какие-то усилия, дело движется...

Я просыпаюсь каждый день и по привычке называю это состояние бодрствованием; последние 2 недели это «состояние бодрствования» с трудом отличимо от сна, который я видел лет 10 назад.

« Вокруг меня мир, который не воспринимается враждебным, но он устроен так, что каждый раз когда я смотрю по сторонам или прикасаюсь к объектам – я умираю. Умирание по большей части безболезненно – я просто понимаю, что это происходит - оно больше похоже на укол совести и неприятное воспоминание, которое удается легко забыть. Иногда умирание воспринимается как моментальное, агрессивное поглощение моего внимания объектом, на который я смотрел, и от этого возникало сильное истощение. Оно не было телесным – было похоже на сонливость от смотрения телепередачи, от которой уже устал, но и оторваться сил нет. Затем во сне я забыл о том, что этот мир убивает и продолжил в нем жить, так как будто ничего не происходит, я развил способность забывать еще быстрее, и жизнь стала совсем приемлемой.

Этот сон резонирует с моими восприятиями в повседневном мире – все поглощает мое внимание и, как следствие, наступает сон – если я не помню об озв, то я умираю.

*

Изумление - это восприятие переживается как всплеск ослепительной радости, который ощущается как яркая вспышка во всем теле из глубины груди. Все мысли и привычные представления в этот момент перестают существовать, это переживается как маленькое рождение. То, что вызывает изумление, воспринимается как совершенство, красоту которого я не могу адекватно описать, сразу теряешься в словах – и часто желание переживать это настолько сильное, что желание описывать это состояние на время пропадает. Изумление – это слияние радости-симпатии-нежности-восхищения-переживания красоты в один всплеск, от которого захватывает дыхание. Изумление сопровождается предельной открытостью, которая переживается как вспышка (может быть длительная), и желанием переживать еще более яркое изумление.

Изумление – это открытие, которое мгновенно меняет весь набор восприятий в этом месте, ослепляет радостью и восторгом. Особенно интенсивное изумление возникает при возникновении ярких ОзВ (даже на одну секунду), которые вмиг узнаются, в то время как до настоящего момента не было никаких воспоминаний о них.

*

Море, холодная осень. Высокие скалы, опускающиеся прямо в прибрежные волны. Сильный ветер с моря монотонно гонит пенные волны, они с ревом катятся на берег и разбиваются о скалы. В этом месте все окончено и неизменно – так будет всегда, ни волны, ни ветер, ни серое небо – ничто не изменится. Вдруг раздался крик чайки, ее не было видно из-за пасмурности и серых облаков, но это не могло быть ни чем другим – в этом месте есть жизнь! Еще не пришло время умирать. Если в этом месте есть чайки, я точно смогу прорваться.

*

Посмотрела фильм ВВС - Величайшие Явления Природы. Пока смотрела его, стала возникать влюбленность в Землю, которая раньше возникала очень просто и отчетливо от любых фильмов о Земле. Захотелось вернуть это состояние. Смотрела и впрыгивала во влюбленность к Земле, очень нравится это состояние. Его отличительные черты :

1. Я воспринимаю Большую Девочку как одно единое существо - все эти моря, ледники, водопады, звери, горы. Вполне определенное существо - прямо как отдельная личность.
2. Я испытываю к ней преданность и очень люблю ее. Это похоже на воспоминание, как будто я всегда ее любила, а щас просто вспоминаю это состояние.
3. И третье характерное качество влюбленности в Землю - это возникновение отчетливого восприятия существования - глубокое, насыщенное и как будто даже "вечное" спокойствие. Будто мне нечего больше бояться. Вообще нет больше ничего, что могло бы быть опасным для меня. Это не отупление, как от морфия. Я чувствую себя очень трезвой, но при этом от влюбленности в нее возникает отчетливая уверенность, что пока я так ее люблю, ничто не может со мной случиться.

Все вместе - хочется называть "влюбленностью в Землю"

*

Ща валялась на пляже, на лежаке. Лежак - в 1-2 метрах от высокой лодки. Подлетела ворона, села на борт лодки, стала пялиться на меня и орать (очень громкие крики, карканьем не назовешь). Орала минут пятнадцать. Ее несколько раз сдувало :) - дул сильный ветер, во время таких порывов иногда ей удавалось во время пригнуться и вцепиться когтями, но раз 8 порывы заставляли ее врасплох и сносили с борта. Пару раз ее перекинуло за борт, и она высовывалась оттуда, продолжая каркать. Один раз она села на железную часть борта, в которую не вцепиться, и проскользила метр, растопырив крылья и пытаясь сопротивляться очередному порыву. Все равно упорно возвращалась и начинала каркать мне в морду.

*

Запомнилась сверкающая в лучах солнца река, попытки на ней сосредоточиться, радость от путешествия, от гор вокруг, от тропы, по которой шла сегодня, от предстоящей жрачки. Фоновое состояние маленькой девочки лет пяти, наивной и открытой.

*

Сегодня шел по улице. Валил снег. Остановился перед светофором – на другой стороне улице стояло дерево. На него налетел ветер и стал качать ветки. Было восприятие, что то, что происходит с деревом - происходит со мной, затем восприятие «я» резко ослабло и возник ступор - как я могу говорить, что это происходит с деревом, если это происходит со мной?

Возник вопрос во внутреннем диалоге - как я в таком случае могу разделять «я» и «дерево»? Затем возникла ясность, что я действительно не знаю – где во всем этом «я». Было восприятие, что то, что происходит, начало восприниматься вне физического тела, недалеко от груди, а затем стало восприятием «там» - где качающиеся ветки. Затем возникла ясность, что я не могу никак локализовать то, что происходит - это воспринималось то вне границ тела, то там, где качаются ветки.

*

У меня всегда был резонанс образа тибетских монастырей с ОзВ. Я часто представлял образы монастырей, монахов, смотрел фотки, фильмы, читал тексты, и возникали ОзВ – зов, предвосхищение, близость, и возникало предположение, что в тибетских монастырях происходит что-то интересное и таинственное. Возникало желание узнать о них как можно больше. Наконец, я поехал в Непал, ходил в буддистские монастыри, разговаривал с монахами. Сначала возникали легкость, радость, отрешенность, но все быстро кончилось – монахи оказались погруженными в скуку, апатию, беспросветный догматизм и неискренность, и мои ОзВ сменились серостью, негативным фоном. Возникло разочарование, так как ожидаемое усиление ОзВ не оправдалось. Это ожидание было неявным – не было таких громких мыслей. То же наблюдал и с другими озаренными факторами (ОзФ). Когда появляется образ, резонирующий с ОзВ, кажется, что это не просто образ, что за ним есть что-то еще, что-то «реальное», нечто такое, что можно потрогать,

положить в карман.

Есть привычка думать, обслуживающая концепцию о том, что есть «реально существующие вещи», а есть «фантазии». Когда попытался понять, что же это за «реально существующие вещи», увидел, что это то, что можно воспринимать через физические ощущения. Если я могу что-то увидеть, услышать, потрогать, понюхать, попробовать на вкус, то это реально, а если это лишь мысль, образ, эмоция, то это «фантазии». Есть привычка относиться к эмоциям, мыслям, желаниям и в том числе к ОзВ (особенно тогда, когда они не проявлены), как к несерьезному, не имеющему особого значения, «фантазиям». Мысль я считаю лишь тогда значимой, если она о «реальном мире». Желание значимо, если его объект - «реальные объекты». Эмоции – для меня это всегда нечто нереальное. Такое отношение к восприятиям приводит к тому, что их различение ослабевает, и ощущения начинают доминировать. Физики, химики, инженеры, астрономы занимаются исследованием «реального мира» - ощущений. Почему нет таких же развитых и точных наук о других восприятиях? Относясь к ним, как к «нереальному», мы не исследуем их, поэтому не различаем, а не различая, не можем в них разобраться, найти закономерности и пользоваться ими по своему желанию, управлять.

Что значит «реально» - никто не знает. Почему именно ощущениям придают особый статус – неизвестно. Возможно потому, что мы с раннего детства приучались, и в итоге научились различать и управлять ощущениями, вот и считаем их «реальностью» - очевидная глупость. Вместо того, чтобы признать мысли, эмоции, желания и различение «реальностью» (и в итоге вовсе отказаться от концепции «реальности» как противопоставления ее некой «нереальности»), начать их исследовать, различать, управлять, мы называем их «нереальными», и в итоге оказываемся в хаосе, не можем испытать радостные желания и реализовывать их.

Когда возникают проблески ясности относительно необоснованности этой концепции, возникает новое восприятие, словно я проваливаюсь в пустоту. Есть только восприятия, которые как будто подвешены в пустоте. Еще возникает предвкушение, что ОзВ могут появиться в любой момент, так как нет никаких «реальностей», которые определяют - появиться ОзВ или

нет. Все, что необходимо - это желание, чтобы ОзВ появилось.

Пока я исповедую концепцию о «реальности», все время хочется найти что-то «реальное» «за» тем, что меня привлекает. Если возникло ОзВ, то я начинаю искать что-то «реальное» за ним (вместо того, чтобы сосредоточиться на усилении его), ведь я хочу испытывать ОзВ и хочу, чтобы это были не просто «фантазии», хочу чего-то «реального», и в результате начинаю искать это «что-то реальное» в ОзВ, даже не отдавая себе в этом отчет, а оно тем временем уходит, и возникает разочарование и от того, что «реальное» не найдено, и от того, что ОзВ исчезло. Например, только сейчас, через месяц после того, как я вернулся из Непала, я отдал себе отчет в том, что испытывал разочарование от того, что не нашел в тибетских монастырях того, что «должно» было там быть. И это не смотря на то, что там возникали ОзВ.

Безосновательны и предположения о том, что «за» негативными эмоциями «стоит» что-то «реальное», что это не просто отдельные восприятия, а что они «связаны» с чем-то «реальным», а раз они «связаны», то возникает ложная концепция, что негативные эмоции - это «следствие», а «причина» - это «реальность», и чтобы избавиться от негативных эмоций, необходимо изменить «причины».

*

Есть несколько воспоминаний о детстве, в которых я испытываю яркую симпатию, радость, восторг. Высоченная трава, похожая на лес, сквозь которую я смотрю на солнечные лучи... чья-то рука раздвигает сверкающую траву, и я вижу еще более сверкающую землянику... бурный восторг при виде воды в реке... сосны, похожие на улыбающихся великанов... завораживающая нежность к бабочкам... Абсолютная открытость и доверие к миру, каждое действие насыщено радостью, вдохновением, восторгом. Каждое действие - открытие. Мне рассказали такую историю про меня: я подошла к сторожевой овчарке и крепко обняла ее. Сейчас, когда я думаю, что вот так можно относиться к миру – когда каждое живое существо воспринимаешь как равное себе и испытываешь такую безусловную симпатию и доверие – возникает восторг и предвкушение новой и свежей жизни.

Помню, что если мне что-то нравилось, то я была готова броситься в это «вниз головой», не задумываясь – такой была страсть к жизни. Мне очень нравилось общаться с людьми, но я не помню, чтобы это было из-за скуки. У меня было так много радостных желаний, что они просто переполняли меня, и в том числе мне хотелось общаться с людьми, мне очень нравилось переживать симпатию. Помню, что я очень хотела видеть вокруг себя таких же счастливых людей, как я, мне хотелось отдавать им свою радость, выплескивать ее, потому что ее было невероятно много.

День за днем меня отучали от этой симпатии и доверия к жизни. Люди предают и лгут, ты заплатишься за свою симпатию, они сделают тебе больно, собак обнимать нельзя – прокусят руку, заразят блохами, бешенством, жуков не трогай – это опасно, они кусаются, от них неизвестно что можно ожидать, в воде можно утонуть, в лесу можно заблудиться, нельзя быстро бегать – можно упасть, попасть под машину и т.д. Наступило безразличие к жизни, тотальная серость и обыденность. Сегодня я поняла, что все люди, окружавшие меня, и все люди (за редчайшими исключениями), которых я встречала на данный момент, никогда не испытывали и не выражали настоящей симпатии, нежности, радости. Они постоянно выражают резиновую симпатию. Мне всегда было особенно тошно видеть, как люди механически говорят о чем-то позитивном, о своей якобы радости, о переживании якобы красоты - всегда хотелось отодвинуться от этого подальше. Но самое ужасное – это то, что я делала и делаю то же самое. Я знаю, когда хорошо бы испытать что-то «позитивное» и делаю вид, что испытываю это. Я научилась очень хорошо играть эту роль. Я могу смотреть на море и понимать, что тут вроде бы надо что-то такое испытать и могу выдать что-нибудь типа «смотри, какой там горизонт... да, море – это здорово».

До самого последнего времени у меня было брезгливое отношение к собакам. Сейчас я с удивлением обнаружила, что переживаю настоящую нежность, когда смотрю им в глаза, провожу взглядом по их бокам, спине (собак почти никогда нельзя потрогать), щупаю мокрый нос. Я бы с удовольствием потискала почти каждую встречную собаку, особенно дворнягу... Пару дней назад прямо на улице видела слона, скорее всего слоненка, вспоминала о нем еще несколько часов, хотелось его пощупать,

погладить, обхватить, обнять, потолкать... Всю взрослую жизнь у меня был панический страх перед жуками. Помню, как однажды сидела под деревом и мне прямо в футболку упал жук. Это было настолько неприятным событием, что я потом рассказывала о нем несколько месяцев, причем неизменно находила понимание – мое отвращение всем казалось правомерным. Сегодня я увидела большого ярко-синего жука. Меня охватил такой восторг! У него была такая блестящая круглая спинка, он быстро-быстро махал прозрачными голубыми крыльями, он был таким деловым и в то же время игривым, перелетая от цветка к цветку - каждое его движение вызывало всплески нежности и симпатии, как будто мое самое любимое существо вдруг решило поиграться и стать жуком. Мир «неживой» природы раньше мог у меня вызывать как максимум лишь эстетическое удовольствие. После встречи с жуком я встретила океан – не безликую мертвую стихию, а игривое мощное существо, к которому тоже, оказывается, можно пережить нежность!

Всплески этих ОзВ пока еще слишком коротки, но они настолько отличаются от всех остальных, привычных восприятий, что даже слезы накатывают. Это все равно, что все время быть в темной комнате, которая иногда становится серой, иногда через щели просачивается смутный тусклый свет, и вдруг прямо в комнате включают свет, и нет никаких сомнений в том, что это нечто совершенно отличное от всего, что тебе знакомо. Я поняла, что я еще вообще не начинала жить, что я умерла уже очень давно – не знаю, сколько мне было, 2 года, 3. Но все время после этого я не жила, и только сейчас в этом месте что-то пробуждается.

Есть радостное желание вспомнить, какие же были восприятия в этом месте в детстве. Это было совсем другое существо. То, что проявилось потом – это другой человек, мусор, нет желания отождествлять это с собой, со своей личной историей. Есть желание проанализировать тот опыт, который был получен этим другим существом, но при этом есть желание перестать думать, что это и есть моя личная история.

*

Я нашла какой-то мир, похожий на средневековье. Все люди, которые там были, хотели только напиться до смерти, жрать и убивать друг друга.

Очень похоже на мир, который описан у Стругатских в «Трудно быть Богом». Я тайком просматривала этот мир, и нашла несколько людей, которые вызывали у меня симпатию. Я знала, что это никакие не дракончики и даже не морды, но возникло сильное желание учить их.

Тогда я каким-то образом предстала перед людьми того мира так, что они решили, что я богиня, спустившаяся к ним, чтобы управлять ими, и сделали меня королевой. От убийц таким образом меня защищал их страх и пиетет. К тому же была уверенность, что в этом мире я не могу умереть, даже если в меня копьё воткнут. Я стала искать симпатичных мне людей, и вскоре вокруг меня образовалась небольшая группа. Они отличались от большинства населения тем, что не хотели непрерывно пить, есть и не испытывали агрессии. Многие из них были склонны к искренности и охотно начинали у меня учиться. Я рассказывала им о разных науках, о других странах, не помню еще о чем. Практике их почти не учила, так как была ясность, что еще рано. Они все еще жестко концептуальны, и именно из этих людей практикующих не получится. Но если я сейчас буду их обучать, процесс развития в этом мире ускорится, и может через тысячу лет здесь начнут появляться морды и дракончики.

В моей группе было примерно 5 мужиков (громadne, бородатые и волосатые) и 4-5 девочек (очень пупсытые). Они все влюбились в друг друга и разбились по парам. Я могу представить себе таких людей решительными, честными, готовыми спасти друга в любой ситуации, не избивающими своих жен, как все остальные, а общающимися с женами на равных. Девочек - не злорадными, скорее склонными к самопожертвованию, верящими в добро и пытающимися всеми силами совершать это добро. Но представить себе, что они начнут разбирать концепции о честности и добре - не могу.

В этом сне было несколько неясных моментов осознания - когда я была на башне, высотой такой, что люди казались точками, я хотела быстро спуститься вниз, прыгнуть, возникла нерешительность, потом проблеск ясности, что я во сне, и прыгнула. Подобные фокусы подкрепляли их веру в мое божественное происхождение. Заметила, что моему избранному кружку, так сказать, ученых, стали сильно завидовать. Был завтрак посреди большого двора, не помню никакой роскоши, мы ели на деревянных столах и скамейках. Я заметила, что одной парочки нет. Вышла, в каменном переулке

встретила мужика из этой парочки. Он сказал обреченно, что его девочку сегодня украли, и врядли мы сможем ее найти. Я дала ему пощечину и сказала: Как ты можешь сдаваться, если ты вообще НИЧЕГО еще не сделал? Ты можешь вот так просто оставить ее умирать? У него сразу изменилось лицо, я не видела его еще таким сосредоточенным, серьезным и решительным. Я сказала ему, чтобы он свернул и шел вниз по ступенькам. Когда лестница кончилась, и мы уперлись в стену, у меня возникли сомнения: я плохо помнила, как проходить сквозь стены, а вдруг у него не получится, и я потом не смогу его провести, тогда его вера в меня пошатнется. Устранила сомнения, сказала ему холодно: что остановился? Иди дальше. И он прошел через стену. В этот момент у меня возникло восхищение к нему, потому что этот человек с железобетонной концепцией о том, что люди сквозь стены не ходят, смог в этот момент так измениться - то ли от доверия ко мне, то ли от того, что я показала ему, как можно действовать решительно. Я знала, что для него это все равно, как если бы в нашем бодрствовании человек прошел через стену. И знала у нас это тоже возможно, но ни один человек никогда настолько не поверит в это, чтобы смочь пройти.
